

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ЮРИЙ МУХИН

КРАСНАЯ АРМИЯ

ПАРАД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Тайны военной истории

Юрий Мухин

**Красная армия. Парад
побед и поражений**

«Алгоритм»

УДК 355(091)(47+57)
ББК 68.49(2)

Мухин Ю. И.

Красная армия. Парад побед и поражений / Ю. И. Мухин —
«Алгоритм», — (Тайны военной истории)

В своей книге выдающийся мыслитель современной России исследует различные проблемы истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии – как общие, вроде применявшейся военной доктрины, так и частные. Кто провоцировал столкновение СССР с Финляндией в 1939 году и кто в действительности был организатором операций РККА в Великой Отечественной войне? Как родилась концепция «блицкрига» и каковы подлинные причины наших неудач в первые месяцы боевых действий? Что игнорируют историки, сравнивающие боеспособность РККА и царской армии, и что советская цензура убрала из воспоминаний маршала Рокоссовского? Большое внимание в книге уделено также разоблачению мифов геббельсовской пропаганды о невероятных «успехах» гитлеровских лётчиков и танкистов, а также подробному рассмотрению лжи о взятии в плен Якова Иосифовича Джугашвили – сына Верховного Главнокомандующего Вооружённых сил СССР И. В. Сталина.

УДК 355(091)(47+57)
ББК 68.49(2)

© Мухин Ю. И.
© Алгоритм

Содержание

22 июня. Кто виноват?	6
Стратег и завистник	9
Штришок к портрету Сталина	14
Молниеносная война	16
Молниеносная война. Как это?	16
Растерянность политиков	18
Растерянность генералов	21
Ответственность народа за все и всех	25
Начало войны	27
Цели войны	28
Сила государства	30
Моральная сила и деморализация противника	32
Гитлер как ученик англосаксов	34
Способы уничтожения моральных сил противника	36
Пятая колонна	37
Деморализующее влияние пятой колонны	39
Волонтеры «пятой колонны»	41
Завышение оценки моральных сил жертвы агрессии	44
Занижение оценки моральных сил жертвы агрессии	46
Военная теория молниеносной войны	50
Факторы тактического преимущества	52
Главный фактор боя	57
Победа в бою	60
Советская атака	64
Немецкая атака	67
Немцы: все в бой!	72
Таран войсковых масс им. Тухачевского	74
Таран в мозгах генералов	77
Кризис военного искусства	81
Мираж танковых корпусов	84
Танки в бою	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Юрий Мухин

Красная армия. Парад побед и поражений

© Мухин Ю.И., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

22 июня. Кто виноват?

Историю необходимо изучать, для того чтобы не повторять сегодня тогдашних ошибок своих предков, поэтому нам важно понять, что же тогда происходило?

Есть пропаганда военная и предвоенная. В это время все побоку, и есть только одно: мы русские, мы всегда побеждаем, и с нами Бог!

Но есть и военная история, и в ней нужно вскрыть все ошибки и выяснить все достоинства, чтобы в следующей войне максимально использовать достоинства и не повторять ошибки. (Вообще-то, если это использовать, то враг и не сунется.)

Можно объяснить обстоятельствами непреодолимой силы и Крымскую войну, и Японскую, и всю историю царизма, а общее тогдашнее мнение и немцев, и англичан о России, как о колоссе на глиняных ногах, считать русофобскими наветами. А зачем? Бездельным русским Ванькам будет на душе приятно, но деятельные русские будут введены в заблуждение, и ошибки не будут исправлены. Это очень надо?

В Первую мировую войну царская Россия тоже воевала с немцами, в той войне тоже были и примеры русской доблести, и примеры русской стойкости. Также были убитые, раненые, пленные. И вы понимаете, что чем более мужественен и более предан Родине человек, тем больше вероятности, что в бою его убьют, но в плен он не сдастся. А чем больше человек трус, тем больше вероятности, что он сдастся в плен, даже если еще мог сражаться. Давайте сравним эти две войны.

Для характеристики боевой стойкости армии есть показатель – количество пленных в расчете на кровавые потери, то есть количество пленных, соотнесенное к числу убитых и раненых. По русской армии образца 1914 года из расчета минимального количества 2,4 млн пленных этот показатель таков: на 10 убитых и раненых в плен сдавалось 1,9 офицера и 4,4 солдата. На 10 убитых генералов в плен сдавался 21 генерал.

Во ВМВ неизмеримо более сильным немцам, для того чтобы взять в плен одного советского офицера, нужно было убить или ранить 40 других офицеров. Для пленения одного солдата – около 34 солдат. На 10 убитых и пропавших без вести генералов 3,2 сдавшихся в плен, или надо было убить 3 советских генералов, чтобы один сдался в плен.

Чтобы в плен сдался или пропал без вести один советский офицер, нужно было убить 14 офицеров, чтобы сдался или пропал без вести один советский солдат, нужно было убить 10 солдат. Генералы и тут всю статистику портят, но и у них результат все же лучше, чем при царе.

Следовательно, при коммунисте Сталине боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат выше в 17 раз! Не на проценты, а в разы!

Вот и оцените, что значит царская Россия и что значит Сталинская. 22 июня 1941 года на СССР напала практически вся вшивая Европа во главе с Германией, тем не менее можно ли было их разгромить у границ СССР? Да, можно было.

Виновато ли руководство СССР в поражениях начала войны? Безусловно, на то оно и руководство, чтобы быть виноватым в поражениях. Но руководство СССР состояло из руководства всем могуществом СССР – это Сталин. И было руководство вооруженными силами СССР, руководство фронтами, армиями, дивизиями, полками, батальонами, ротами, взводами и отделениями. Какого руководства и в чем вина – вот в чем вопрос!

Да, руководство может потерпеть поражение ввиду превосходящих сил противника, но ведь СССР победил в той войне, уже понеся огромные потери людей и оружия, значит, вопрос борьбы с противником в начале войны, когда еще не было этих потерь, не был не решаемым.

Ну и руководство может обусловить поражение, когда во главе его стоит предатель-подлец или дурак.

Но Советский Союз победил в войне, причем начал побеждать, когда Сталин взял на себя командование фронтами в условиях, когда СССР потерял уже 70 миллионов населения из 190, следовательно, Сталин не был ни предателем, ни дураком.

Кроме того, и в 1941, и в 1942 годах не все руководство, отвечающее за потери, вело себя одинаково – одни дивизии и армии отчаянно сражались, другие сдавались в плен.

Почему советский Западный фронт немцы разгромили тремя последовательными окружениями в самом начале боевых действий, с успехом исполняя свой план «Барбаросса», а на Северо-Западном фронте у них этот план сорвался, а у Юго-Западного фронта немцы ни одной советской дивизии не смогли окружить до середины сентября?

Вот, скажем, Северо-Западный фронт, первые три месяца войны. Защитники Лиепай удивили немцев своим упорством и мужеством, 237-я стрелковая дивизия полковника Тишинского разгромила более сильную дивизию СС «Мертвая голова», а многочисленные войска Красной армии, имевшие задачей оборону Даугавпилса, разбежались чуть ли не при одном виде немцев. Почему? Почему в 1941 году маршал Тимошенко разгромил 1-ю танковую армию немцев под Ростовом, а будущий маршал Жуков не смог окружить немцев под Ельней, почему войска Тимошенко окружили и уничтожили 34-й пехотный корпус под Ельцом, а Жуков в Московской битве дал немцам окружить и уничтожить 33-ю советскую армию? Почему?

Читаю книгу «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987 год), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшихся за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же. Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку *«командного состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искаженные и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Все принималось за чистую монету.*

...Создавшийся хаос в нашей части перешел в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в плен на третий день войны. А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 году во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: *«В окружении исчезли командиры особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то храбрый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен бойцов».* Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 года:

«А накануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду,

все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия. В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому “окруженцу”, велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово “полковник” он выдал из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло».

Судя по всему, немцы достаточно презрительно относились к советским генералам и офицерам, сдававшимся в плен, и не видели своих особых заслуг в пленении этого трусливого сброда. Пауль Карелл описывает историю одного, да и то попутно. Это командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Потатурчев. Его дивизию немцы обошли, она практически не участвовала в боях, не считая бомбежек немецкой авиации, тем не менее она как соединение в несколько дней развалилась, а Потатурчев с несколькими офицерами, переодевшись в гражданское, бросил своих солдат и сбежал, сдавшись немцам в плен под Минском.

В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тысяч немцев попали в окружение в январе 1942 года и больше года (до февраля 1943 года) сражались в окружении или полуокружении, пока не вырвались из мешка; в ноябре 1942 года 6-я немецкая армия попала в окружение под Сталинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в январе 1944 года были окружены около 90 тысяч немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали советские войска, по моему счету, восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941 году; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом и 2-ю ударную под Ленинградом в 1942 году.

И только 33-я армия генерала Ефремова, отказавшегося бросить своих солдат, сражалась в окружении почти полгода, и 2-я ударная – три недели. Во всех остальных случаях, как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удрать из окружения самостоятельно – без войск.

И вот когда начинаешь разбираться с подробностями этих боев, невольно приходишь к единственному выводу: да, в целом, командование Красной армии было на порядок лучше, чем командование царской. Но вина за те тяжелейшие потери, которые Советский Союз понес в первые годы войны, целиком обусловлена низким морально-профессиональным уровнем значительной части кадрового командования Красной армии.

Вина же политического руководства СССР – Сталина в том, что он не уничтожил в Красной армии гнусный дух царской армии и не организовал обучение и воспитание командования Красной армии так, чтобы оно имело целью защиту Родины во время войны, а не паразитирование на шее народа в мирное время.

Стратег и завистник

Я занялся давно лежащими в моей библиотеке сборниками документов Великой Отечественной войны из серии «Русский архив», выпущенных Институтом военной истории Министерства обороны РФ в издательстве «Терра». В данном случае просмотрел четыре книги двенадцатого тома «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы». Кроме того, так уж получилось, но параллельно просмотрел в Интернете текст книги Дмитрия Шеина «Танковая гвардия в бою», которая тоже, по сути, является подборкой документов, но только не обо всей войне, а о боевом пути 3-й гвардейской танковой армии.

Несмотря на то что и названием сборника – «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы», и его объемом анонсируется публикация как бы всех документов, вышедших из Генштаба в годы войны, у меня в этом нет никакой уверенности. В предисловии не сказано, все ли документы публикуются, не сказано, по какому принципу отбирались документы для публикации (номера им дали сами публикаторы): о каких событиях составители сборника поместили в него документы, а о каких событиях – не поместили. В результате сборник получился странным, и у меня даже подспудно возник вопрос: а читал ли его еще кто-то, кроме меня? Дело в том, что не менее (на беглый взгляд) 90 % опубликованных документов касаются перевозки войск из тыла на фронт, между фронтами и обратно в тыл. И эта масса распоряжений Генштаба о перевозке приводит к впечатлению, что войну выиграли исключительно железнодорожники (перемещения войск на большие расстояния походным порядком, были очень редкими). Причем чем дольше шла война, тем больше в сборнике именно таких документов о перевозках.

Понятно, что в обязанностях Генштаба был расчет технической возможности задуманных операций, а для их проведения требовалось сосредоточить войска, а для этого их нужно было перевезти, и все эти документы сборника – это «маневр Генштаба войсками». Все это понятно, но зачем помещать в сборник документы, по сути являющиеся типовыми, к примеру, вот такими:

«25 июня 1941 г.

Выполните перевозки:

1. Управления 7 ск, эшелоны № 10541-10571, погрузка – в Днепропетровске. Отправление: 26.6 – семь поездов, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут Знаменка – Фастов.

2. 196 сд, эшелоны № 10581-10613, погрузка – в Днепропетровске Отправление: 29.6 – один поезд, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут тот же.

3. 20 сд, эшелоны № 10621-10653, погрузка – в Павлограде Отправление 28.6 – два поезда, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут ст. Нижнеднепровск – Знаменка – Фастов.

4. 147 сд, эшелоны № 10661-10693, погрузка – в Кривом Роге Отправление 29.6 с темпом 12 эшелонов в сутки. Маршрут Долинская – Знаменка – Фастов.

Задание на погрузку дать начальнику передвижения войск Сталинской ж. д.»

Вот что этот документ, может дать историку? Что из него можно взять сегодня? Это, по сути, мусорная информация. А ведь именно таких распоряжений подавляющее большинство в тех почти 3,5 тысячах документов Генштаба, которые Институт военной истории опубликовал. Если бы документ о перевозке был дан всего один и с указанием, что он дан всего лишь для примера, то весь сборник сократился бы раз в 10 и стал бы доступным для чтения, а так...

Ладно. Если остальные документы, отправленные из Генштаба в ту войну, и не все опубликованы в сборнике, то вряд ли были изъяты такие документы, как планы боевых операций и их корректировка по ходу проведения. Так вот, подобных боевых распоряжений войскам в сборнике нет вообще! Если быть уж предельно точным, то раза три встречалось перенаправление Генштабом участвующих в операциях небольших соединений на иные цели. Ни Жуков в роли начальника Генштаба, ни сменивший его маршал Шапошников, ни Василевский, ни наиболее уважаемый Сталиным генерал Антонов во время войны как-то не стремились брать на себя ответственность за отдачу войскам боевых распоряжений.

Однако отсутствие боевых указаний, исходящих в войска из Генштаба, говорит только о том, что разработка планов боевых операций и руководство войсками если и велось в Генштабе, то не имели никакого значения без одобрения их Сталиным и без взятия им на себя ответственности за их исход. Если судить по опубликованным документам Генштаба, и боевые приказы даже не очень значительных боев шли только от Сталина. Да, собственно говоря, и подавляющая часть всех остальных распоряжений Генштаба начиналось стандартно: «Верховный Главнокомандующий приказал...».

Естественно, напрашивается вывод: раз так, то только на Сталине лежит ответственность за поражения в начале той войны. Но тогда только ему принадлежит и слава победы!

Мне могут сказать, что были же наши славные маршалы победы, которые и разработали планы всех победных операций Красной армии. А Сталин к этим победам только примазался. Ведь, скажем, Г. К. Жуков в своем эссе «Коротко о Сталине», написанном незадолго до смерти самого Жукова, именно так и писал:

«Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией».

Как видите, по Жукову, Сталин был непричастен к разработке победных операций, на самом деле они проводились по блестящим планам Жукова и именно Жуков был их «организатором». И Жуков, как видите, до конца жизни не мог Сталину простить примазывания к его, Жукова, славе.

Но, что интересно – из упомянутой книги Дмитрия Шеина «Танковая гвардия в бою» можно узнать и некоторые подробности того, как Жуков разрабатывал операции, и насколько Сталин был к ним «непричастен». И у Шеина интересно еще и то, что три описанных Шеиным случая жуковских полководческих инициатив приведены автором не для того, чтобы раскритиковать Жукова, а случайно – только потому, что эти жуковские планы напрямую связаны с историей 3-й танковой армии, о которой Шеин и пишет. Нет сомнений, что за войну планов Жукова (плодов его ума) поступало к Сталину гораздо больше, но давайте посмотрим на судьбу тех жуковских замыслов, которые привел Шеин. Итак...

23 февраля 1944 года представитель Ставки маршал Г. К. Жуков и командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин представили Верховному Главнокомандующему план операции на Проскуровско-Черновицком направлении. Сталин идею провести эту операцию одобрил, но внес важное уточнение: обе танковые армии и гвардия должны ударить вместе, а не с разных направлений, как предлагал Жуков:

«1. Обе танковые армии – 3-ю гвардейскую Рыбалко и 4-ю Баданова – использовать с фронта главной группировки 60-й армии с задачей овладения районом Проскурова.

2. 1-ю гвардейскую армию усилить танками и самоходными орудиями за счет имеющихся во фронте танковых бригад и самоходных полков.

3. Наступление начать 3–5 марта.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

А 10 марта 1944 года маршал Жуков представил Верховному Главнокомандующему план наступательной операции фронта на Черновицком и Львовском направлениях:

«Докладываю:

1. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тарнополем, Проскуровом, считаю возможным после пяти-, шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр.

2. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гвардейской и 60-й армий (23 стрелковых дивизии), усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольск.

Вспомогательный удар силами 18-й и 38-й армий (19 стрелковых дивизий) нанести с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский...

Наступление фронт может начать 20 марта. До 20.03 необходимо подтянуть артиллерию, произвести перегруппировку и подвезти горючее и боеприпасы.

Прошу утвердить план и начало операции».

Сталина этот план не удовлетворил, и в ответной директиве № 220052 от 11 марта Верховный Главнокомандующий указал:

«На ваши соображения, представленные шифром 10.03.1944 за № 7210/ш, Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Изменить направление наступления 18-й и 38-й армий, подняв их к северо-западу и нацелив на Каменец-Подольский в соответствии с новой левой разгранлинией фронта, установленной директивой Ставки № 220051.

2. Не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновцы с целью занятия этого пункта и выхода на нашу государственную границу.

3. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг, т. е. на нашу государственную границу, для чего перегруппировку произвести таким образом, чтобы усилить правое крыло фронта.

4. В ускоренном порядке доукомплектовать 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко с целью произвести перегруппировку сил, с тем чтобы возобновить общее наступление не позднее 20–21.03.1944.

5. 11-й танковый корпус остается в резерве Ставки и будет укомплектован во вторую очередь.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

И наконец, план наступательной операции на Западной Украине в направлении Вислы Г. К. Жуков представил Верховному Главнокомандующему 23 июля:

«В связи с выходом армий Киевского (кодовая фамилия маршала Конева) на р. Сан и форсированием ее частью сил докладываю наше решение по дальнейшему наступлению подвижных войск Киевского.

1. Армия Катукова двигается западнее р. Сан в район Домбровица, Сандомир, где и захватывает переправы на р. Висла. В дальнейшем Катуков захватывает район Кельце.

2. Армия Рыбалко действует левее Катукова и выходит к Висле в районе устья р. Вислока, где и переправляется. После переправы через Вислу действует левее Катукова, обходя Краков с севера.

3. Армию Лелюшенко после захвата Львова двигать в район Перемысль, Самбор с целью отрезания путей отхода станиславско-дрогобычской группировки противника.

4. Корпус Баранова после переправы через р. Сан в районе Радымно бросить в район Кросно с целью обеспечения фланга фронта и отрезания путей отхода перемышльской группировке противника.

Корпус Константинова выбрасывается на правый фланг фронта в район Красника для взаимодействия с люблинской группой 1-го Белорусского фронта.

5. Остальные армии действуют по плану.

6. Если с вашей стороны не будет возражений, принятое решение по использованию подвижных войск 1-го Украинского фронта будем проводить в жизнь.

Жаров

(кодовая фамилия маршала Жукова)».

Однако Сталин этот план вообще не принял. В директиве № 220152, которой Сталин ответил на следующий день, говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает ваш план использования танковых армий и кавкорпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор, для чего:

1. 1-ю танковую армию Катукова и 1-й гвардейский кавкорпус Баранова использовать для овладения районом Ярослав, Перемысль с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад.

2. 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко и 4-ю танковую армию Лелюшенко использовать для разгрома львовской группировки противника и овладения городом Львов во взаимодействии с 60-й армией Курочкина. Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад, в сторону Кракова.

3. 6-й гвардейский кавкорпус Соколова использовать для удара по тылам красноставской группировки противника в общем направлении на Томашув, Красник и для разгрома ее во взаимодействии с 3-й гвардейской армией Гордова и левым крылом 1-го Белорусского фронта.

4. Наступление на запад в ближайшее время ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

5. Об отданных распоряжениях донести и к 26.07.1944 представить план дальнейшей наступательной операции фронта после овладения Львовом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин»

Сначала обратите внимание на скорость, с которой Сталин отвечал – на следующий день!

Итак, благодаря Д. Шеину, у нас получилась случайная выборка из трех оперативных замыслов Жукова. И только один из них был одобрен Сталиным, да и то «со скрипом», а два плана Жукова Сталин отверг и заменил на свои. Поэтому как-то особенно бессовестно звучит обвинение Жукова в том, что Сталин, дескать, отодвигал в тень «организаторов» таких побед, как Жуков. На самом деле, как видим, именно Сталин, по сути, и являлся их реальным организатором. И то, что Сталин «держал руку на пульсе» им же и задуманных операций (Жуков по глупости и на это жалуется), обзванивая командующих фронтами и армиями, доходя до командиров корпусов, скорее всего, и обуславливает то, почему из собственно Генштаба практически ничего не выходило в плане текущего руководства боевыми операциями Красной армии. Руководство ими полностью лежало на Сталине, и именно Сталин давал войскам все необходимые указания, причем давал очень быстро – «оперативно».

Штришок к портрету Сталина

Хочу написать даже не то что об историческом моменте, а всего лишь о намеке на один момент нашей истории, до сих пор остающийся незамеченным.

Начиная с Гражданской войны в СССР учреждались награды «за бой и за труд». Сталин не мог отказываться от награждения ими, поскольку это было бы пренебрежением к государственным наградам, хотя сам Сталин орденов никогда не носил, делая исключение лишь для звезды Героя Социалистического Труда, которая с момента присвоения ему этого звания в 1939 году время от времени появляется на его груди. Всего до войны у него было три ордена – Орден Ленина и два Красного Знамени.

В ходе войны он начал командовать всеми фронтовыми операциями и принял еще пять наград – один орден Ленина, два ордена Победы, один Красного Знамени и орден Суворова 1 степени (что касается еще одного ордена Ленина, то скажу о нем отдельно). То есть Сталин, как и все маршалы СССР, принимал полагавшиеся ему награды, поскольку и обязан был их принять, и, скорее всего, соглашался с тем, что он их заслужил.

Маршал Тимошенко, который полтора года накануне войны был наркомом (министром) обороны, прекрасно воевал во время войны и был награжден шестью орденами – одним орденом Ленина, одним орденом Победы, тремя орденами Суворова 1-й степени и одним Красного Знамени. То есть был награжден даже большим количеством орденов, нежели Сталин.

Маршал Ворошилов с 1925 года до начала 1940 года был наркомом обороны. Во время войны был награжден тремя орденами – одним орденом Ленина, одним орденом Суворова 1-й степени и одним Красного Знамени.

Звание Героя Советского Союза начали присваивать военачальникам с момента учреждения этой награды. Жуков, к примеру, имел это звание за Халхин-Гол, маршалы Кулик и Тимошенко – за финскую войну, а генерал Штерн за руководство войсками в Испании – за исполнение интернационального долга. То есть присвоение звания Героя Советского Союза высшему командному составу Красной армии было уже устоявшейся практикой. Соответственно, и во время Великой Отечественной войны присвоение старшим военачальникам этого звания было продолжено, но уже в резко возросшем количестве. Некоторым это звание было присвоено дважды (маршалы Рокоссовский, Жуков), а по окончании войны и по ее итогам звание Героя Советского Союза вообще присваивалось чохом, и в списки награжденных генералов попали и такие, которых, по совести, полагалось бы расстрелять.

Однако маршалам Тимошенко и Ворошилову это звание не было присвоено ни в ходе войны, ни по ее итогам. Получается, что Сталин, утверждая списки представленных к присвоению звания Героя Советского Союза, этих полководцев просто вычеркивал, хотя на протяжении всей войны соглашался с награждением их полководческими орденами. К примеру, Сталин трижды представил Тимошенко к награждению высшим полководческим орденом Суворова 1 степени (у Жукова их всего два, у Сталина один), представил Тимошенко и к награждению уникальным орденом Победы, то есть считал, что Тимошенко эти ордена заслужил. Но героем его не считал! Почему??

Еще момент. Ни один комиссар (потом «член военного совета») не стал Героем Советского Союза. Хотя таких политработников, как Хрущев, Брежнев и особенно Мехлис, невозможно обвинить в трусости. Комиссар Поппель, 800 км по тылам немцев выводивший с боями остатки своего корпуса, писал, что такое указание в отношении комиссаров было получено с начала войны.

Так почему в понимании Сталина довоенные наркомы и вообще все комиссары не герои?

Думаю, что дело вот в чем.

К 22 июня 1941 года Красная армия имела от советского народа все для разгрома немцев – прекрасный человеческий материал (даже Жуков считал главным фактором победы молодого советского солдата), вполне современные оружие и технику, и, главное, все это в количествах, превосходивших оружие и технику немцев. Красная армия имела достаточно боеприпасов, горючего и снаряжения. Но потерпела в 1941 году позорные поражения, отдала немцам огромные территории СССР и почти 40 % населения. Мучил ли Сталина вопрос «почему?»? Думаю, что мучил от начала войны и всю оставшуюся жизнь. И думаю, что причину этих поражений он увидел в той мерзости, которую проявил в войне кадровый командный состав Красной армии, увидел массовую подлость, предательство, трусость, неумение воевать и презрение к жизни солдат. Всю эту гнусность кадровый командный состав Красной армии сохранял и сохранил в неприкосновенности от царского офицерства, и на начало войны эта царско-офицерская мерзость в Красной армии осталась неискорененной.

А за качество кадрового командного состава армии отвечали министры обороны и комиссары.

Но почему Сталин об этом ни разу не упомянул ни словом? Потому что ни о чем подобном нельзя было говорить вслух во время войны и сразу после нее. Начни говорить об этой генеральско-офицерской подлости или даже расстреливать за нее во время войны – и доверие к командному составу рухнет, соответственно, армии не станет, но и с победой над немцами и японцами военная угроза для СССР постоянно сохранялась ввиду превосходства США в атомном оружии.

Ну а как же сам Сталин? Он же вождь, разве его вины в таком составе командования Красной армии нет? Да, он был вождь, да, на нем ответственность лежала за все. И, если я правильно понимаю, Сталин эту свою вину понимал и принимал.

Когда сразу после окончания войны с немцами все командующие фронтами подписали коллективное ходатайство в Президиум Верховного Совета присвоить их главнокомандующему звание Героя Советского Союза, то Верховный Совет СССР эту просьбу удовлетворил – присвоил Сталину это звание с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина. Но Сталин категорически отказался принимать знаки этих наград, и впервые они появились только на подушечках возле его гроба. (Потом уже художники на его портретах стали подрисовывать и звезду, и еще один орден Ленина, но при жизни Сталин их не то, что не носил, а и не получал). Не считал себя Сталин Героем Советского Союза.

Вот такой штришок к портрету Сталина.

Молниеносная война

Молниеносная война. Как это?

Все историки до настоящего времени, объясняя, что такое молниеносная война, ограничиваются банальностями, ничего не объясняющими, к примеру, уверяя, что все дело в том, что у Германии было много танков и самолетов. То есть что молниеносная война – это «война моторов».

Начало такому объяснению положил, пожалуй, британский генерал, теоретик механизации войск и историк Джон Фуллер: *«Кампания показала (1940 года против Франции. – Ю. М.), что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно оставляли наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны; когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки...»*

Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступать». Короче, если у тебя в армии много моторов, то и войну ты проведешь молниеносно. Но ведь в 1940 году и у англо-французских союзников танков и самолетов было столько же, а в 1941 году у СССР этого добра было в разы больше. И что толку?

К. Клаузевиц, подробнее о котором ниже, писал: *«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно»*. Честно говоря, я тоже так думал, но, читая современных историков и аналитиков, прихожу к мысли, что либо Клаузевиц сильно польстил современникам, либо в XIX веке людей со здравым умом было существенно больше, чем сегодня.

К примеру, скопировал я длинную статью Алексея Исаева (популярного молодого российского историка) «Инструмент «блицкрига». Интригу первого абзаца осилил легко: *«Внушительные успехи танковых войск Германии в период “блицкригов” 1939–1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев»*. Далее начал читать, вернее, продираться сквозь:

«...Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz.I, 1092 Pz.II, 143 Pz.35(t), 238 Pz.38(t), 381 Pz.III, 290 Pz.IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сомуа S-35, 314 тяжелых В1 различных модификаций... Перед французской кампанией рота средних танков по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz.IV, [364] шести Pz.II и одного командирского танка на шасси Pz.I. Штат K.StN.11751 от 1 февраля 1941 года (1 KStN. (Kriegsstärkenachweisung) – штаты военного времени (нем.)) предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz.IV и 5 Pz.II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу “Барбароссы” отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz.IV... Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz.70 (Krupp [377] “Protze” L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mercedes-Benz L1500A)... 14-я танковая дивизия состояла из трех танковых батальонов,

которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz.II, 41 танк Pz.III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 20 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм “окурком”, 4 танка Pz.IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz.II, 39 танков Pz.III с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz.II, 114 танков Pz.38(t), 12 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием и 11 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием».

М-да... Что поделать – умным быть не запретишь!

Поэтому плюнул на текст и сразу перешел к выводам, которые Исаев сделал об «инструменте блицкрига». По его просвещенному этими Pz.38(t) и Pz.IV мнению, «инструмент блицкрига» таков:

«В 1934–1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса Вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой “блицкрига”. Поэтому в поисках причин успехов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода “меч-кладенец”, симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной армии 1943–1944 годов». Это все.

По Исаеву, получается, что в войне молниеносно победит тот, кто:

- создаст танковые корпуса по аналогии с немецкими танковыми дивизиями;
- будет шесть лет вести войну;
- торжественно подпишет полную и безоговорочную капитуляцию.

Как хотите, но мне показалось, что этого маловато будет для понимания того, как и чем вести молниеносную войну. Ведь если немцы даже с СССР и даже «молниеносно» воевали (по самому же Исаеву) полтора года до Сталинградской битвы, так и не сумев добиться победы, и в результате вместе со своими танковыми дивизиями войну проиграли, то ведь очевидно, что молниеносность первых этапов Второй мировой войны определи не танковые дивизии и не немцы, а те страны, с которыми немцы молниеносно воевали. Определило то, что Исаев считает несущественным.

Вот поэтому я и взялся за эту работу. Ведь я в полном смысле этого слова не историк, я политик. Политик, изучающий историю не ради гонораров или праздного любопытства, а для того, чтобы сегодня использовать находки предшественников и не повторить их ошибки. И если я не разберусь с этим вопросом, то кто, кроме меня?

Растерянность политиков

У молниеносной войны есть феномен, который до сих пор обойден вниманием даже тех исследователей, которые начали заниматься ее молниеносностью сразу же после окончания Второй мировой войны – по свежим следам. Скажем, упомянутый британский военный аналитик Д. Фуллер ни слова не написал об этом феномене в своей книге «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор», вышедшей из печати еще в 1948 году.

Этот феномен – полная неожиданность подобного рода войны для всех ее участников и свидетелей.

Поясню эту мысль на примере ядерной войны. Ядерной войны в мире еще не было, но ведь, случись ядерная война, ее начало, да, может быть внезапным, но сама по себе она не будет неожиданной: о ней знают с момента создания ядерного оружия и ее ждут, а само понятие такой войны и термин для нее уже готовы.

А вот термин «молниеносная война» (blitzkrieg, «блицкриг») возник только после победы нацистской Германии над Польшей в 1939 году и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года правительство Польши и командование ее вооруженных сил бежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Причем, что в данном случае особенно интересно, сама эта молниеносность (быстрота) войны с Польшей оказалась неожиданной и для главных действующих лиц этой войны.

Пожалуй, наименее глупо выглядит правительство СССР, уже хотя бы потому, что Советскому Союзу отводилась роль нейтральной страны, и РККА незачем было готовиться к войне с Польшей. Однако Гитлер, боясь предстоящей войны, все же хотел втянуть СССР в конфликт с Польшей на своей стороне, и еще 29 августа Германия пригласила СССР тоже ввести войска в Польшу в сферу влияния СССР. Но правительство СССР отказалось, и отказалось на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. То есть самым худшим сценарием развития событий для Польши СССР считал заключение ею сепаратного перемирия с Германией, а судя по тому, как он помогал Польше перед войной и в ее начале, Советский Союз был уверен, что Польша с союзниками Англией и Францией окажутся победителями.

И лишь когда немцы проинформировали СССР, что румыны уже ждут у себя удирающих правительство и генералитет Польши, когда стало ясно, что Польского государства уже нет, когда стало ясно, что немцам просто не с кем заключать перемирие, в Советском Союзе началось организационное движение. Только 9 сентября СССР спешно объявил мобилизацию и начал создавать два фронта для похода в Польшу. Для мобилизации СССР надо было 15 дней, то есть приказы на боевые действия создаваемым в спешном порядке фронтам должны были быть даны где-то к 24 сентября. А на самом деле советские соединения, не успев полностью отмобилизоваться, уже 17 сентября вынуждены были входить на территорию бывшей Польши для защиты западных украинцев и белорусов от оккупации их немцами – практически через неделю после начала мобилизации!

То есть у правительства СССР и мысли не было, что война может протекать так быстро и закончиться полным уничтожением Польши как государства, иначе СССР, чтобы успеть провести мобилизацию, объявил бы ее еще в августе.

Совершенно глупо выглядят союзники Польши.

Англия, объявив Германии войну 3 сентября, вообще не имела армии, способной высадиться на континенте, поскольку полагала, что успеет отмотилизовать необходимые силы за время, пока агрессию немцев будут сдерживать поляки и французы.

Согласно франко- и англо-польскому договорам Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта, и лишь после 15-го дня мобилизации, отмотилизовав армию, французы должны были организовать широкое наступление на Германию основными силами.

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну, и уже 5 сентября Франция, исполняя договоренность с Польшей, действительно провела частную наступательную операцию. Но представитель французской армии при польском Генштабе уже 10 сентября доложил в Париж, что в польской армии царит полнейший хаос, главное польское командование практически не имеет связи войсками, практически не имеет никакой информации о продвижении немцев и положении собственных войск и что польская армия, собственно, уже разгромлена.

Правящие круги Англии и Франции (особенно Англии) так презрительно отказавшись от помощи СССР в войне с немцами, потому что верили в военную мощь Польши, оказались в положении идиотов. Идиотов, не способных оценить обстановку даже в такой переполненной «профессионалами» и «аналитиками» сфере, как война.

Со своей распиаренной гениальностью точно так же – глупо – выглядит и самый застенчивый участник Второй мировой войны – международное еврейство – сионисты. Решая свою внешнюю задачу – создание метрополии (государства Израиль), – международное еврейство хотя и тайно, но опрометчиво выступило на стороне Гитлера и, лишь когда выяснилось безусловное поражение Германии в войне, переметнулось на сторону победителей. Создание метрополии международного еврейства отодвинулось на 1948 год и произошло с помощью победителей во Второй мировой.

Но, что особенно поразительно, совершенно глупо выглядят герои и авторы молниеносной войны – немцы.

Немцы боялись войны и не были уверены не то что в ее молниеносном характере, а и вообще в собственной победе. Они высоко ценили свою армию и ее основу – пехоту, – но из-за скорости формирования своих вооруженных сил не были уверены в их боевом духе уже в силу того, что война с Польшей была первой, а армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51 немецкая дивизия, в которых кадрового состава было по 5 %. И в принципе, в этой оценке своей армии немцы не ошибались – их армия и показала свою слабость. Уже после победы над Польшей немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: *«Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда – потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить»*.

Главкомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич также не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы над Польшей. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

«1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, также и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при перебросках по железным дорогам, на вокзалах и т. п. У него имеются донесения об этом, в

том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе».

И Гитлер, разумеется, слабость своей армии знал, поэтому, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага за три дня до войны, 28 августа 1939 года, Гитлер сообщил, что минимальные требования от Польши: *«Данцинг, решения вопроса о коридоре»* – то есть минимум, позволяющий начинающей войну Германии сохранить лицо в случае ее окончания вничью. А максимальные требования – *«в зависимости от складывающейся обстановки»*, то есть от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: *«Война очень тяжелая, возможно безнадежная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи»*. Сами понимаете, начинать войну с мыслями о капитуляции непросто, тут о ее молниеносности уже не думают.

Поэтому когда 7 сентября поляки предложили немцам перемирие (а их армия уже вовсю удирала от немцев на всех фронтах), то обрадованные немцы сформировали свои требования, которые начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в дневнике: *«Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район – нам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области (Западной) Украины – самостоятельны»*. Как видите, в этих требованиях и мысли не было о ликвидации Польши как государства, и хотя немцы уже заняли Краков, но, как видите, собирались даже его вернуть полякам.

Но это прошляпили политики, а что генералы?

Растерянность генералов

Немецкого фельдмаршала Э. Манштейна иностранные историки считают самым блестящим стратегом рейха и самым опасным противником союзников, мало этого, даже его ревнивые к военной славе коллеги отдают ему должное. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) В. Кейтель в мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме незадолго до казни, писал: *«Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштейном»*. Немецкий теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан дает Манштейну такую оценку: *«Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями – наш самый лучший оперативный ум»*. После войны Манштейн написал мемуары «Утерянные победы», абсолютно лживые в части, касающейся его собственного авантюризма, но, отдам ему должное, по степени осмысления боевых действий, целей и задач войск Манштейн действительно заслуживает внимания.

Но вот посмотрите на попытку Манштейна осмыслить, что такое эта самая молниеносная война:

«Польская кампания в то время получила название “молниеносной войны”. Действительно, эта кампания по скорости ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немцев на западе не явилось подобным же достижением, но в еще больших масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

Действительно, эта кампания должна была быть выиграна немцами, если учесть гораздо более благоприятную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство при наличии двух предпосылок:

– во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы располагать необходимым превосходством сил на востоке;

– во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, свергнуть немцев в настоящую пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до последнего момента, создала бы польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не заставили бы командование германской армии раньше времени прервать польскую кампанию. Таким образом, как уже однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, необходимо, однако, признать, что быструю и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и достигнутому благодаря большому риску превосходству на стороне немцев, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка

авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия – детище этого рейхсвера – была, очевидно, единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционную войну или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Второй мировой войны, в “торговлю железом”. Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, не представлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, – вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Командование сухопутных сил еще могло действовать без чужого вмешательства. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они еще носили благородный характер».

Во-первых, как следует из начала цитаты, Манштейн и даже через много лет после войны не рискует сделать вывод о том, что немцы, начиная ее, хотя бы мечтали провести ее молниеносно (сам термин появился уже после войны). И даже много лет спустя после войны Манштейн путается в догадках, что вызвало эту молниеносность? Манштейн представил «инструментов блицкрига» и больше, чем сумел наковырять в носу А. Исаев, и они другие:

1. Отсутствие второго фронта.
2. Бездарность польских генералов.
3. Гений Гитлера в оснащении войск новой техникой (танки и самолеты).
4. Мужество немецких солдат.
5. Мастерство немецких генералов.
6. Самостоятельность немецкого командного состава в деле управления войсками.

Отдадим должное – Манштейн специально оговаривает, что само по себе превосходство в силах и технике не могло привести к такому результату войны. Да и остальные перечисленные Манштейном факторы победы, безусловно, имеют место быть, но сами по себе они уж очень сомнительны в случае объяснения ими молниеносности войны.

Отсутствие реального второго фронта никак не помогло немцам в войне с СССР, бездарность советских генералов – тоже, в мужестве немецких солдат накануне польской кампании обоснованно сомневались, как вы видели выше, достаточно компетентные немецкие генералы и даже считали его ниже, чем накануне Первой мировой войны. Мастерству немецких генералов и их самостоятельности нужно отдать должное, и я это сделаю, но ведь их мастерство и их самостоятельность сам Манштейн возводит к армии кайзера, однако кайзеровская армия проиграла Первую мировую войну, несмотря на эти качества.

Этот набор факторов никак не объясняет и последующие молниеносные кампании Германии, скажем победу Германии над Францией за 39 дней боев. Никакими вторыми фронтами, превосходством оружия и техники (которых на самом деле не было) или искусством немецких генералов не объяснить, почему Франция в Первую мировую воевала 4 года и, потеряв убитыми миллион солдат, победила и почему она в 1940 году, потеряв всего 100 тысяч солдат, сдалась.

Из этих размышлений Манштейна следует, что и он даже через много лет после войны по-настоящему не понял, что же произошло, в чем были причины молниеносности немецких побед в войнах (кампаниях) начала Второй мировой войны? И в объяснении Манштейн дает стандартный набор причин, который годится для любой войны, в том числе и позиционной, но никак не объясняет причин молниеносности войны.

Как видим, молниеносность войны упала на немецких генералов как снег на голову, и дать ей объяснения они просто не могут. И не только немецкие генералы.

С начала Второй мировой войны и до 22 июня 1941 года у немцев все войны были молниеносными, и, казалось бы, в тот момент у военных профессионалов не должно уже было быть проблем предсказать итог любой новой войны, начатой немцами. Но британский разведчик и историк Лен Дейтон свидетельствует: *«Как только стало известно о начале операции “Барбаросса”, практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэр Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.*

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания – за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Не лучше выглядит и Гитлер, вот свидетельствует министр вооружений нацистской Германии Альберт Шпеер (время подслушанного им разговора – июнь 1940 года): *«Гитлер прогуливался перед своим домом по усыпанной гравием дорожке с Йодлем и Кейтелем, когда адъютант доложил ему, что я хотел бы попрощаться. Меня велели позвать, и, приблизившись к этой группе, я услышал, как Гитлер в продолжение разговора произнес: “Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра”. В отличном настроении Гитлер попрощался со мной, передал сердечные приветствия моей жене и посулил в самом непродолжительном времени приступить к обсуждению со мной новых планов и макетов».*

Германия не только не победила Советский Союз к рождеству 1941 года, но и, потеряв семь из каждых своих восьми дивизий на Восточном фронте, вынуждена была сдаться на милость СССР.

Как видите, никто из британских, американских и немецких генералов и аналитиков не увидел полного отсутствия факторов молниеносности в предстоящей войне Германии и СССР! Так чего стоят в вопросе того, что такое молниеносная война, разъяснения генералов и военных специалистов? Есть легкомысленная поговорка, что даже с самой красивой женщины нельзя снять больше, чем с нее можно снять, и в нашем случае даже с самого выдающегося генерала нельзя получить объяснений больше, чем он может дать.

Забегая вперед, отмечу: отсюда следует, что молниеносность войны – это не уровень генералов, их уровень – это победа в сражении, а победа в войне – это вопрос более высокого уровня. Что, в общем, понятно и относится к любой войне – и молниеносной, и затяжной. Разумеется, принципы побед в сражениях, разработанные немецкими генералами, – это очень важно, и это будет рассмотрено, но еще раз подчеркну: сражения сражениями, а война войной. Англичане говорят, что могут проиграть все сражения войны, кроме последнего, вот и немцы во Второй мировой выиграли все сражения, кроме последнего, но вина в этом

лежит не на немецких солдатах и генералах – они были так же хороши и даже лучше, чем тогда, когда они выигрывали сражения.

Подытожив, следует сделать вывод, что вот эта плохо скрытая растерянность политиков и генералов при виде молниеносности начала Второй мировой говорит о том, что в дело войны вмешалась сила, которая ими совершенно не была учтена. И, добавлю, на сегодня не учитывается по меньшей мере масса тех, кто интересуется войнами.

Ответственность народа за все и всех

Было время, когда территории всех стран заселяли люди, не имеющие никакого отношения к войне и армиям. Но этих людей периодически грабили, уводили в рабство и даже иногда убивали. Чтобы этого избежать, люди платили дань (налог) королю, царю, князю или еще какому бандиту, которые на эту дань нанимали профессиональных воинов и защищали тех, кто им платил дань – своих подданных. При этом время от времени, из алчности или чтобы не забыть ремесло, эти монархи сами пытались ограбить тех, кто им дань не платил, – подданных иных монархов. Но даже если своему монарху и не сиделось на месте и он шел войной на соседа, то его народ в этом не был виноват (хотя за это расплачивался).

И до второй половины XIX века было именно такое разделение труда – был народ – нонкомбатанты, – которому в принципе было все равно, кому платить дань, и были профессионалы войны – монархи, генералы, офицеры и солдаты, – комбатанты, которые и воевали. Война была вне народа, народ, правда, ее оплачивал, порою своим разорением, но ни на подготовку и дух армии своего монарха, ни на объявление войны, ни на протекание военных действий никакого влияния народ не оказывал.

Для того времени выработались принципы побед в таких войнах, а для каждого периода развития техники и технологии (развития средств ведения войны) вырабатывались оперативное мастерство и тактика.

Тем не менее, и как ни странно, но и сегодня масса исследователей смотрит на войну так, как будто мир еще состоит из монархов со своими дружинами и из их подданных, не имеющих отношения к войне. Но ведь это уже давно не так.

Со второй половины XIX века во всех основных государствах мира в той или иной степени была введена всеобщая воинская повинность, сделавшая народ и армию одним целым. Одновременно настолько возросла сложность оружия, его количество и стоимость, что и в экономическом смысле народ и армия объединились, поскольку армия без непрерывного снабжения из тыла немедленно становилась небоеспособной. Таким образом, тыл с его как бы мирным населением тоже стал воюющей стороной, тоже стал комбатантом и, само собой, объектом военных действий – объектом уничтожения.

Но и это не все. С начала прошлого века практически исчезли суверенные монархии, формально власть перешла неким людям, которые в той или иной степени избираются всем народом. Таким образом, вина за агрессию и последствия войны тоже фактически легла на весь народ, поскольку он избрал этих людей. Заметим, что на сегодня наиболее устрашающее оружие – ядерное – как раз и предназначено в своей массе всему народу, поскольку эффективность применения его против собственно вооруженных сил противника весьма сомнительна.

Таким образом, сегодня в народе, точнее в его государстве, объединились все аспекты силы, присущие архаической армии: и правовые, и моральные, и технические. С начала XX века, особенно в мировых войнах, все эти аспекты поднялись на ступень. Теперь не армии выигрывают войны, а государства, теперь важна моральная стойкость не только войск, но и всего народа, теперь важно мастерство не только офицеров, но и всех руководителей в государстве, включая мастерство какого-нибудь руководителя сельскохозяйственного предприятия или маленького городка. И теперь важны не только талант и искусство генералов, но в первую очередь талант и искусство руководителей государства.

В реальном сражении талант и искусство командиров дивизий становятся бесполезными, если всей армией командует дурак или предатель, точно так же и в современной войне бесполезны таланты генералов, если во главе государства дураки или предатели. Разумеется, поднимается и слава – теперь войны выигрывают не генералы, а главы правительств,

генералам остается выиграть сражения (если дело доходит до сражений), отсюда, кстати, и некомпетентность генералов в вопросах победы во всей войне: привычные им мерки недостаточны для исследования ими этого вопроса.

Переходит ли война в стадию военного противоборства или нет, но все сражения этой войны или все ее перипетии (как правило, комплекс мер политического и пропагандистского давления на противника) удобно представлять одним сражением или одним действием. Удобно для того, чтобы использовать для анализа этой войны принципы победы в войне, выработанные в эпоху архаичных войн, – использовать те войны в качестве аналогии, в качестве модели для настоящих войн.

Положение исследователя принципов молниеносной войны усложняется органической подлостью существующих форм демократии, дающих возможность истинным руководителям государств оставаться в тени и предоставлять формальной власти – президентам, премьер-министрам и депутатам – принимать на себя всю славу или позор последствий их правления.

На ранних этапах развития демократии во власть еще могли попасть лица, мало зависящие от денежных мешков и владельцев СМИ и искренне защищающие интересы своего народа, – лица, которых в той или иной мере можно считать самостоятельными. Но даже такие руководители государств очень часто преследовали не только интересы своего народа, как они эти интересы видели, но и интересы этих остающихся за кулисами сил. Делали это либо потому, что считали интересы этих сил совпадающими с интересами своего народа, либо потому, что считали эти силы союзными народу, либо просто не видели возможности сопротивления этим силам. Я так уверенно об этом пишу, потому что выбор мотивов даже в случае самостоятельного руководителя не очень велик. Мотивы же того, почему формальные руководители государства служат не народу, а тому, кто протолкнул их к формальной власти, еще проще – «долг платежом красен», «кто платит за ужин, тот и девушку танцует».

Теперь надо перейти к целям войны.

Начало войны

Война, как противоборство вооруженных сил, «архаическая война» – дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц (1780–1831) в своем объемном труде «О войне». Вообще-то раньше (когда народ больше читал и меньше смотрел) щегольнуть цитатой из Клаузевица было хорошим тоном для любого высокопоставленного военного или пишущего о войне, и надо сказать, что доля справедливости по отношению к Клаузевицу здесь есть: в вопросах осмысления архаической войны с ним трудно поставить рядом еще кого-нибудь. Но, возможно из-за объемности его труда (да еще и не законченного им и изданного его женой уже после смерти автора), мало кто, по моим наблюдениям, пытается вникнуть в принципиальные положения о войне, скажем, в текст первой главы «Природа войны» (все очень торопятся прочесть «конкретные» советы, как войну выиграть).

Так вот, Клаузевиц ввел в обиход политиков выражение: *«Война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»*. Выражение очень модное до сих пор, хотя, по моему мнению, абсолютно не понимаемое. Не вдаваясь в подробности того, что такое политика вообще, суммируем определение так: в данном случае политика – это комплекс действий, которыми некий монарх или избранное народом правительство хотят достичь неких целей по отношению к другому государству. Разумеется, первоначально они хотят достичь этих целей невоенными средствами, и только тогда, когда у них это не получается, начинают войну – продолжают свою политику.

Это выражение сомнительно уже для эпохи архаичных войн, а сегодня оно вообще вводит в заблуждение, поскольку началом войны считает начало собственно боевых действий вооруженных сил. А как же политика? Нет, начало боевых действий – это не начало войны (не начало политики), а всего лишь начало вооруженного противостояния, которое само по себе имеет целью не цели войны, а обезвреживание вооруженных сил противника. А цели войны должна достигнуть сама война (сама политика), посему и началом войны следует считать момент, когда какое-либо государство сформирует претензии к другому государству и начнет политику по достижению этих своих целей. Во времена Клаузевица с теми средствами связи и средств массовой информации этой особенности не было видно, но сейчас как это не заметить?

А ведь это очень важно. Если не принимать меры обороны немедленно с началом враждебной политики, то можно непоправимо опоздать либо понести огромные потери тогда, когда война перейдет в стадию противоборства вооруженных сил. Особо жестоко страдают те, кто вместо начала обороны продолжает считать агрессора своим другом, хотя агрессор редко способен скрыть свою сущность. Разумеется, сила государства имеет огромное значение (об этом позже), но время начала обороны также имеет огромное значение. Возьмите примеры современной истории. Что дало Югославии, Ираку, Афганистану или Ливии то, что эти страны рассматривали своего будущего агрессора в качестве светоча цивилизации и друга? Между тем Куба и Корейская народная демократическая республика никогда не стеснялись называть агрессивных уродов агрессорами. Эти страны, несмотря на свою физическую слабость, постоянно готовы встретить агрессора вооруженной рукой, посему сохраняют свой суверенитет и ограждают себя от ограбления до сих пор. Как бы агрессоры и ни щелкали зубами.

Цели войны

Что касается истинных целей войны, то они всегда экономические, а разделяются в зависимости от роли, назначенной данному государству: государство начинает войну либо с целью ограбить жертву, либо с целью прекратить или предотвратить ограбление.

Правда, слово «ограбление» уже не описывает ситуацию, поскольку его значение явно связывается с откровенным отъемом имущества под угрозой применения силы. Между тем арсенал отъема имущества настолько пополнился новыми средствами, что даже Гитлер по окончании войны не собирался пользоваться грабежом оккупированных территорий СССР в чистом виде, а сегодня даже агрессоры чистый грабеж объявляют преступлением. Сегодня грабеж уже надежно замаскирован различными «экономическими формами», начиная от предоставления кредитов и инвестиций, заканчивая «добровольной» передачей предприятий от своих «неэффективных» руководителей «эффективным» руководителям агрессора.

Или вот такой внешне как бы никак не связанный с грабежом аспект, как внедрение в независимое государство своей валюты. Смысл денег – то, для чего они предназначаются, – обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем необычайно выгодным для того, кто их эмитирует (печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем 10 %. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет кроме процентов и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента, давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3 300 000 % прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30 000 % в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств даже при минимальных процентных ставках за кредит.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США – доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин, техники, приборов, тканей и т. д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки развалин небоскребов, был продан в Китай. США сегодня – это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег – это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, то есть никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров. И кстати, это достаточный повод к войне той страны, которая грабит окружающих своей валютой.

Таким образом, понятия «рабство» и «колониальная зависимость» для целей войны, вроде и точные по существу, но годятся только для пропаганды. И хотя нынешние рабы по-прежнему алчут только хлеба и зрелищ, но и они уже далеко не те, что в Древнем Риме, а современные колонии, соответственно, далеко не те, что колониальная Индия.

Поэтому, чтобы не входить в споры по определениям целей войны, опишу их как можно более обще: агрессор имеет целью изменить существующий порядок вещей в стране-жертве. Такое определение цели включает в себя все возможные варианты любых целей.

Сила государства

Вряд ли кто-то будет сильно возражать, если применительно к войне я общую силу государства разложу на три составляющие силы – силу ее армии, силу экономики (хозяйства государства) и моральную силу народа. Хочу обратить ваше внимание на то, что я дал силы в порядке нарастания их значения. Сила армии – на последнем месте, силы экономики – на втором.

Все же оружие есть оружие, при современном развитии оружия и боевой техники уже невозможно обойтись палкой или камнем, а это оружие дает экономика. Хорошо, если есть союзники, которые что-то из оружия поставят, а если их нет? Тогда свое народное хозяйство должно стать спасителем армии и страны. Правда, сила народного хозяйства как таковая не зависит от войны – сильная экономика и в мирное время сильна. Часть ее производит оружие, боевую технику, боеприпасы и в мирное время, а во время войны это производство возрастает за счет сокращения мирной продукции. Скажем так, экономическая сила государства важна при любом виде войны и напрямую с молниеносностью войны не связана. Поэтому я не стану эту силу рассматривать.

И наконец, огромное, ничем не заменяемое и никак не импортируемое значение имеет моральная сила народа, поэтому я и ставлю ее на первое место. Собственно, на моральной силе народа базируются первые, явно «военные» силы.

Возьмите Вьетнамскую войну, в которой США признали свое поражение, хотя их военные и экономические силы и эти же силы Вьетнама были просто несопоставимы, какой бы ни была помощь оружием из СССР. И в данном случае дело не в слабости моральных сил США с их антивоенным движением, я уверен, что это движение тайно стимулировалось правительством США, для того чтобы иметь хоть какой-то повод закончить войну. Ведь за 20 лет до этого война с неизмеримо более сильными Японией и Германией не вызвала в США антивоенного маразма. Да, разумеется, во Второй мировой войне США выглядели жертвой агрессии, поскольку это на США напала Япония и это Германия объявила войну США. Но ведь и во Вьетнамской войне формально не США были активной стороной войны, а Северный Вьетнам, а США формально всего лишь помогали жертве – Южному Вьетнаму. Тем не менее в 40-х годах не было многотысячных демонстраций с речовками «Рузвельт, Рузвельт, гей-гей, сколько ты убил детей?!», хотя авиация США в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки убила немецких и японских детей немеряно.

Остается признать, что причиной поражения США во Вьетнамской войне были моральные силы вьетнамцев, которые в явном виде проявились в отсутствии во Вьетнаме предателей в количестве, достаточном для подчинения Вьетнама воле США (сами по себе предатели были, но их было относительно мало). Ведь как подчинить себе народ без предателей из этого народа? Не будет же оккупант всю жизнь сидеть в укрепленных лагерях на территории этой страны, боясь из них высунуть нос? США оставалось либо физически уничтожить всех вьетнамцев и заселить территорию американцами или какими-нибудь лояльными неграми, либо признать поражение и уйти. Первый путь был невозможен, оставался второй, им США и воспользовались.

Сейчас в мире такие государственные деятели, которые сами не понимают, что происходит, а со времен Второй мировой войны воспоминания о ней написал только один действовавший тогда глава государства – Уинстон Черчилль. Вопрос моральных сил – вопрос очень деликатный, даже настоящие политики о нем стараются не говорить, чтобы не обидеть свой народ и не навредить себе этим на будущих выборах – не подорвать этим свою популярность. Тем не менее Черчилль вскользь вынужден задеть и его, когда ему надо хоть чем-то объяснить молниеносность разворачивающихся событий Второй мировой войны.

Молниеносным этапом Второй мировой следует считать ее период с 1 сентября 1939 года по, пожалуй, конец 1941 года на Востоке и конец 1942 года на Западе. В этот период немцы захватили Норвегию, лишь на несколько часов опередив англичан и французов, то есть фактически отбив ее у них. Причем силы англо-французов были превосходящими – под Нарвиком, к примеру, в четыре раза. Черчиллю это поражение нужно было как-то объяснить. В его цитатах выделю значащие для данной темы моменты:

*«Нас, которые имели превосходство на море и могли высадиться в любом месте на незащищенном побережье, превзошел противник, преодолевавший по суше большие расстояния, невзирая ни на какие препятствия. В этой норвежской схватке наши превосходные войска – шотландская и ирландская гвардия – были **разбиты гитлеровской молодежью благодаря ее энергии, инициативе** и военной подготовке.*

Повинуясь долгу, мы, не щадя сил, старались закрепиться в Норвегии.

Мы считали, что судьба очень жестоко обошлась с нами. Теперь мы видим, что дело было вовсе не в этом. А пока нам оставалось утешаться лишь рядом успешных эвакуаций. Неудача в Тронхейме! Тупик в Нарвике! Таковы были в первую неделю мая единственные результаты, которые могли видеть английский народ, наши союзники и весь нейтральный – дружественный и враждебный – мир.

*...Нападением Гитлера на Норвегию закончились “сумерки войны”. Она разгорелась ослепительным пламенем такого страшного военного взрыва, какого еще не знало человечество. Я охарактеризовал **состояние транса**, в котором пребывали восемь месяцев Франция и Англия, когда весь мир недоумевал. Эта фаза оказалась **самой вредной** для союзников. **Моральное состояние Франции, ее солдат и народа стало теперь, в мае, определенно хуже**, чем в начале войны.*

*...Невозмутимый, искренний, но косный характер правительства не мог вызвать тех энергичных усилий ни в правительственных кругах, ни на военных заводах, которые были жизненной необходимостью. Нужен был удар катастрофы и приближение опасности, чтобы **дремлющие силы английского народа пробудились**».*

Как видите, Черчилль в данном случае не стал «пудрить мозги» читателям «войной моторов» или пресловутыми «танковыми клиньями» таковых дивизий совершенной организации, которых, правда, в Норвегии просто не было.

Итак, займемся рассмотрением сил государства, в данном случае моральных и военных.

Моральная сила и деморализация противника

Если армией считать весь народ, все государство (а именно так и надо считать), то тогда с точки зрения принципов победы архаические войны (одними армиями) можно считать моделями современных войн. И вот к чему в этом плане пришел уже упомянутый мною К. Клаузевиц.

Он писал, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов, и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут вне зависимости от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора – моральная стойкость и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку, для того чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким – смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы – бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть шире, и цель боя может быть достигнута без боя, к примеру самой угрозой нанести морально не стойкому противнику поражение (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведавшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

*Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, то есть не заключало в себе **внутреннего противоречия** с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать **возможность** такого хода войны».*

Моральные силы противника – это такая же сила, как и его материальная сила, и уже во времена архаичных войн нужно было быть не государственным деятелем, а дебилом или предателем, чтобы не принимать мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. И вот почему.

«Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, – мы это настойчиво подчеркиваем, – нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил являются его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны», – пишет Клаузевиц.

Как видите, уже к середине XIX века логический анализ и примеры показывали, что достижение победы путем уничтожения не материальной, а моральной силы противника гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение ее единственным имеющимся у войны средством – боем. Деморализация противника – вот ключ к успеху!

(Я понимаю, что у читателей при выводе об уничтожении государства без войны сразу же приходит на ум СССР. И правильно приходит: это классический пример победы в войне. Болтовня о «демократических преобразованиях» в СССР – это болтовня «в пользу бедных». Умом. Был враг – НАТО, этот враг теперь хвастается своей победой, а на территории бывшего СССР установлены выгодные этому врагу порядки, кстати, те порядки, которые и хотел установить на территории СССР Гитлер, пытавшийся это сделать в ходе Второй мировой войны.)

И несмотря на эту очевидность главенствования моральных сил, и по сей день, описывая войны и видя, что в ходе этих войн вооруженные силы противников практически не участвовали, аналитики жуют и жуют вопрос только соотношения материальных сил. Вспомните освещение побед США в последних войнах всеми комментаторами – и проамериканскими, и антиамериканскими. Как только на такого аналитика наведут объектив телекамеры или пообещают место на страницах печатных СМИ, он немедленно начинает выдавать «важные» подробности, якобы «определившие» победу США. А именно: численность войск и союзников, численность и качество оружия, и т. д. и т. п. – все то, что, возможно, и определило бы победу войск США, если бы они действительно воевали силами армии, авиации и флота. Но ведь, одержав военные победы над Сербией, Афганистаном и Ираком, США не воевали! Некую боевую активность проявляла авиация, да и то если была гарантия проведения боевого вылета без боя, то есть в условиях подавленной ПВО противника. Не воевали, но военные победы одержали! Что именно уничтожили США у своих жертв в этих войнах, чтобы одержать победу в войне? Методом исключения остаются моральные силы.

И вот тут возникают два вопроса: чем уничтожили и было ли что уничтожать? Начнем с первого.

Гитлер как ученик англосаксов

А. Гитлер, глава Германии тех времен, убийственную роль подрыва моральных сил народа пропагандой испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны. А после войны, в 1924 году, он говорил, что не только ему, но и тем, кто пытался понять суть происходящего, только во время Второй мировой войны стало понятно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Причем в качестве примера Гитлер брал не немецкую пропаганду, которую ругал за глупость, а пропаганду противников Германии – Великобритании и США.

Гитлер сделал пропаганду мощнейшим родом войск. К сожалению, его труды в СССР были под запретом, под запретом они и сегодня, и поэтому неудивительно, что и историки, чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т. д. А в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощность этого рода войск Германии настолько была в глаза, что рассмотрению немецкой пропаганды место уделяли все: от публициста Андре Моруа до помянутого английского военного теоретика Д. Фуллера.

Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе:

«К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 году подпала под влияние человека с весьма определенными политикой и планами человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других самым богом.

“Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, – кричал Гитлер. – Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они слепы к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидательный гений всегда выше круга специалистов”.

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том “*Mein Kampf*”, он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне “моторизация” будет “преобладать и сыграет решающую роль”. Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его политическая цель заключалась в захвате *Lebensraum* (жизненного пространства) для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подорвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: “Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия – война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями”.

Из приводимой ниже цитаты из книги Раушинга видна суть теории Гитлера: “Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем зайдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника – вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня”».

Как видите, Гитлер действовал так, как и предлагал Клаузевиц: он сначала добивался паники у противника, и, подчеркну, добивался ее еще в МИРНОЕ время, а уж потом наносил удар.

Но Фуллер считает, что Гитлер базировал свои идеи на доктрине абсолютной войны Клаузевица, а я в этом сильно сомневаюсь. Сомневаюсь, что собрался бы выиграть за 8 недель войну с СССР тот, кто понял в первой главе книги Клаузевица раздел 8: *«Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени»*. А в этом разделе, в частности, Клаузевиц предупреждает стратегов: *«В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил»*. А Гитлер собирался войну с СССР выиграть быстро, игнорируя то, что СССР приведет в действие те силы, которые не смог задействовать с начала войны.

Правда, дело не только в том, что Гитлер невнимательно читал Клаузевица, но об этом в свое время.

Способы уничтожения моральных сил противника

Тем не менее, как видите, немцы прекрасно понимали, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, в связи с чем сделали пропаганду главным родом войск. А поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то коварство и ложь для немцев были естественны и в военной пропаганде, хотя в данном случае это не столь важно, поскольку, повторю, естественно.

Что имеется в виду под моральными силами и деморализацией?

Принятое определение морали – добровольно принятые в обществе традиции, нормы поведения, защищающие представления общества о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле. Конкретных норм поведения может быть много, и они для разных обществ могут быть разными, но если общество существует, то в нем в основе морали обязательно лежит долг перед обществом – обязанность защищать его. В основе долга лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу – это, по сути, долг потомкам. В основе долга лежат требования морали быть честным и совестливым. Интересно, что у древних персов главным качеством воина была не сила или храбрость, а честность. Честность не даст отказаться от долга, а при отказе от долга сила и храбрость воина становятся бесполезными.

Это мораль взрослых людей, детям она не присуща, и ее у них нужно воспитывать, а у животных если и есть зачатки морали, то основаны они на инстинктах, а не на интеллектуальном осознании необходимости морали. Соответственно, в сильном обществе считается злом подлость и трусость, бессовестность и уклонение от исполнения долга.

Но, подчеркну, долг – это **ДОБРОВОЛЬНО** принятая норма поведения, как и все нормы морали. Соответственно, человек может и отказаться от долга. Вот этот отказ от исполнения долга и есть **ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ** противника.

Со времен архаичных войн способы деморализации противника известны, просты и понятны:

- внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору. Поскольку этот способ воздействует на инстинкт самосохранения человека, то он действенен во все времена, причем чем более инфантильны люди, тем менее они охвачены человеческой моралью, чем больше они дети и животные, тем способ более действенен;

- разделить общество на части, и эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным – это известнейший принцип «разделяй и властвуй!»;

- склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ – игрой на алчности.

Гитлер, как видите, открыто стремился опереться на пятую колонну в странах, намеченных в жертвы агрессии (думаю, что Гитлер был горд собой и был уверен, что превзошел в этом вопросе и Клаузевица, и своих учителей – англосаксов). Однако в действиях Гитлера по уничтожению моральных сил будущей жертвы не видно ничего, что можно было бы считать оригинальным, все его действия в этом плане или известны, или очевидны. Единственно, он открыто заявил, что начинать борьбу за деморализацию будущего противника нужно задолго до войны, и это действительно так.

Пятая колонна

Немного о пятой колонне. Я уже не раз писал, что раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» – пустой звук. Этому термину дала жизнь гражданская война в Испании в 1936–1939 годах. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности аграрную реформу. Капиталистическому (самоназвание – «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в Испанском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до испанских событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда пятую колонну называют «квислингами» по имени предателя норвежского народа, сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно.)

Разумеется, Гитлер использовал для пятой колонны этнических немцев, живущих в других странах, в этом, надо сказать, абсолютно не было ничего нового: немцы использовали этнических немцев России еще в Первую мировую войну.

А затем Гитлером в государстве-жертве использовались все, кто был недоволен существующей организацией общества, – тоже ничего нового. Если исключить из числа пятой колонны идейных революционеров, для которых неприемлем грабеж собственного народа, который они собираются осчастливить, то в ней останется ленивая и глупая часть населения. Та часть общества, у которой не хватает ни ума, ни работоспособности, чтобы достичь в обществе того материального положения, которое эта часть алчет. Та часть общества, которая достаточно подла, чтобы пренебречь интересами всего общества и попытаться достичь желаемого при оккупантах. Эта часть может действовать как самостоятельно, так и в составе различных революционных течений, поскольку открыто показать свою подлость и служить оккупантам только ради денег непросто.

Пятой колонной вполне могут быть национальные и меньшинство, и большинство, алчущие денег и славы под соусом национального освобождения или освобождения от обузы «кормить чучмеков». И могут быть идейные сторонники политических режимов агрессора, которые алчут тех же денег и власти, но под политическим соусом. В Испании как раз из таких и состояла та часть предателей республики, которая дала название самому термину «пятая колонна», такими же были сторонники нацистов в Великобритании, Голландии или Норвегии.

Обычно, вред от пятой колонны видят в силовом предательском воздействии внутри страны в пользу агрессора – в «ударе ножом в спину», и во времена Второй мировой войны чаще всего именно так и было. Вот, скажем, в Норвегии был деятель, майор норвежской армии Видкун Квислинг, с 1931 по 1933 год он был даже министром обороны. Но в том же 1933 году при помощи немецких нацистов Квислинг основал партию «Национальное единение», в которую со временем вступило около 50 тысяч человек. Когда в день начала немецкого нападения на Норвегию норвежское правительство эвакуировалось из Осло, Квислинг

организовал мятеж и по радио объявил о государственном перевороте и создании правительства под своим руководством. Соответственно, он призвал норвежцев подчиниться немцам и прекратить сопротивление. Это дезорганизовало Норвегию и ее армию и помогло немцам в конце концов захватить Норвегию без больших потерь.

Деморализующее влияние пятой колонны

Но удар в спину — это далеко не все и, возможно, не самое главное. Страшен в пятой колонне пример отказа от исполнения долга перед обществом. Подчеркну, не ее собственный отказ от долга перед Родиной — это само собой разумеется, а то, что она является примером подражания для других.

Вот такой, на первый взгляд, не имеющий отношения к делу подход к пятой колонне.

Корреспондент РИА «Новые регионы» 6 декабря 2007 года передал из Тель-Авива сообщение под заголовком «Премьер Израиля поблагодарил советских евреев за развал СССР», в котором, в частности, говорится: *«Выступая в среду вечером на торжественной церемонии, посвященной 40-летию начала борьбы проживавших на территории СССР евреев за право выезда в Израиль, премьер-министр этой страны Эхуд Ольмерт заявил, что победа, одержанная ими в этой борьбе, стала одной из причин распада Советского Союза»*. А экс-министр Натан Щаранский заявил: *«...Победа, одержанная советскими евреями в борьбе за право на выезд, “существенно подтолкнула Советский Союз к распаду и тем самым изменила мировой порядок”*». Как видите, руководители Израиля хвастаются, что 40 лет назад выезд евреев из СССР привел к уничтожению общества СССР. Но как и чем этот простой выезд евреев из страны связан с уничтожением СССР?

Вообще-то, нет уверенности, что эти руководители Израиля действительно понимали, что именно они сказали, и совершенно понятно, что они не читали Гитлера. Иначе остереглись бы заявлять подобное. Ведь Гитлер за 90 лет до этого праздника определил евреев как фермент дезорганизации, распада любого общества, а конкретно Гитлер писал о дезорганизации евреями как раз СССР — о том, что они являются ферментом его распада. И надо ли было этим деятелям Израиля подтверждать правоту Гитлера?

Правда, есть евреи и евреи. Есть граждане данной страны еврейского происхождения, которые, соответственно, чувствуют свой долг перед Родиной и исполняют его подчас лучше, нежели коренные граждане. И есть лица, которые в любой стране остаются только евреями, образуя как бы отдельную политическую организацию. Вторые как раз и выезжали, что само по себе было бы благом для СССР, если бы сам их отказ от долга обществу, в котором они выросли, которое их защищало и обучало, сопровождался хотя бы презрением этого общества. Но этого не было, эти лица оставались как бы нормальными людьми, хотя не скрывали, что подавляющая их масса едет не за пресловутой свободой, а «за длинной колбасой», и даже не в Израиль, а в США. Мало этого, вместо того, чтобы провести публичное «аутодафе» предателям СССР, сам этот факт замалчивали, а мелкими придирками из этих в массе своей бессовестных людей делали «узников совести».

Повторю, мораль — это нормы поведения, принимаемые человеком на себя добровольно и в случае, если и окружающие руководствуются этими же нормами. Если же окружающие не руководствуются моралью, то моральный человек выйдет в собственных глазах каким-то дурачком, который ограничивает себя в том, в чем другие себя не ограничивают. И безнаказанный отказ кого-то по соседству от соблюдения моральных норм — это зараза, которая быстро распространяется и на окружающих. Почему в любой армии мира самым жестоким способом расправляются с дезертирами. Напомню, что офицеров всех армий исстари вооружали пистолетами — короткоствольным и маломощным оружием, малопригодным для боя с противником на обычных расстояниях огневого воздействия, причем большинство офицеров батальона в бою шли за боевым строем батальона, имея задачей пристрелить из пистолетов любого, кто попытается из строя выйти по причине отказа от исполнения долга.

В этом же случае отказ подобных евреев от гражданства на глазах у советской интеллигенции (две трети выезжающих евреев имели высшее образование) и отсутствие их осуж-

дения асфальтовым катком прокатывались по такому хрупкому чувству, как долг. Я помню в перестройку разговор с седоволосым казахом-аксакалом. Надо сказать, что у казахов, как и других азиатских народов, аксакалы (старики) пользуются исключительным уважением и авторитетом, но пользуются потому, что свято исполняют свой долг – живут не для себя, а для потомков и думают только об их благополучии. А тут этот аксакал цинично высказывался за то, чтобы передать недра Казахстана иностранцам и лично получить за это хорошие деньги. «Но ведь эти недра принадлежат и нашим потомкам!» – возмущался я. Это не действовало, в ответ этот аксакал талдычил про Саудовскую Аравию, которая свои недра продает и «хорошо живет».

Разумеется, в таком повороте мозгов, при котором даже старики, носители традиций, отказываются от заботы о будущих поколениях, виноваты не только евреи и не столько евреи, к примеру, отказ руководителей СССР от исполнения долга имел гораздо большее значение, однако понимали ли Ольмерт и Щаранский, о чем они говорили, или нет, но по сути ими сказанного они были правы.

И пятая колонна в первую очередь страшна этим: если ее члены имеют доступ к общению с большим количеством сограждан, то их идеи отказа от исполнения долга перед обществом разлагают народ данной страны – деморализуют его перед лицом иностранной угрозы.

И еще следует обратить внимание на то, почему уничтожать моральную силу противника выгодно заблаговременно, когда с противником еще мирные отношения. Ведь если бы евреи попробовали уезжать во время войны, то их бы расстреливали как дезертиров, а в мирное время на это никто не решился бы, поскольку в мирное время всевозможные пятые колонны имеют вид мирных диссидентов.

Волонтеры «пятой колонны»

Следует остановиться и на волонтерах пятой колонны – лицах, недовольных своим материальным или властным положением. Спросим себя: а кто им доволен в любом обществе в любых странах? Однако обычные люди, недовольные своим материальным положением, решают эту проблему за счет прилежного труда, рационализации, изобретательства, освоения искусства управления людьми и хозяйством. Им для повышения своего материального благосостояния не требуется разрушать общество, в котором они живут и которое их защищает, тем более не требуется это делать с помощью иностранной агрессии. Следовательно, на риск разрушения общества пойдут только те, кто по жизни улучшить свое положение обычным, честным путем не способен – только глупые и ленивые. Но и такие люди в любом обществе не в диковинку, однако просто глупые и ленивые видят свои способности и довольствуются тем, что имеют. Следовательно, для отказа от долга и для предательства общества лени и тупости как таковых мало, нужны еще и несоразмерные способностям амбиции – нужны претензии на иной статус в обществе без оснований его занимать. Откуда берутся такие амбиции?

Я вспоминаю одну из своих командировок в ЮАР в конце 80-х, когда там шли процессы по ликвидации сегрегации. Поскольку я ездил по заводам, то эта сегрегация была видна на глаз: все рабочие были черные, все руководители, инженеры и конторские служащие – белые. Основное число тех белых, с кем приходилось говорить на эту тему, в принципе видели необходимость этих процессов, но не представляли, как они будут жить с черными. Я же, со своей стороны плохо представляя, что именно происходит, полез с советом, казавшимся мне естественным, – принять меры к быстрому повышению образовательного уровня чернокожего населения. Собеседник грустно пожал плечами и сообщил, что на территории ЮАР работают несколько университетов для чернокожего населения Африки, но эти заведения практически не готовят специалистов: негры, получившие дипломы, в своей массе становятся революционерами – людьми, стремящимися удовлетворить свои амбиции путем разрушения имеющихся обществ.

Надо сказать, что до этого разговора я гордился полученным образованием, гордился тем ВУЗом, в котором я его получил, гордился тем, что в СССР людей с высшим образованием было больше, чем где-либо в мире, и что каждый четвертый ученый мира – это советский ученый. Взгляд на образование как рассадник заразы общества мне был внове.

Правда, я уже столкнулся с бросающейся в глаза ненормальностью. Днепропетровский металлургический институт (ДМетИ), который я окончил, готовил кадры по специальности «электрометаллургия» для примерно двух десятков соответствующих заводов и производств СССР. Такие же кадры готовили еще четыре ВУЗа, включая Московский институт стали и сплавов (МИСИС). Таким образом, только технологов готовилось более ста человек в год. Но уже из моей группы в 23 человека выпуска 1972 года вообще по специальности работало всего 5. На моем заводе в Казахстане – крупнейшем в своей отрасли – я был единственным выпускником-технологом своего института, а за всю историю завода на нем никогда не работал (даже временно) выпускник МИСиСа никакой специальности. В середине 80-х я ездил в родной институт для разговора с пятикурсниками с целью убедить их приезжать на наш завод работать – не приехал ни один. А мой старый преподаватель, видевший мои пропагандистские труды, с грустью предрек, что из этих студентов не то что ни один не приедет на наш завод, но и ни один не будет работать по специальности. У нас на заводе было около 600 должностей, требующих высшего образования, в цехах на должностях цеховых инженеров работало около 100 человек без высшего образования. Одновременно около 300 человек работало на рабочих должностях: в конторе мест для них не было, а в цехах они работать

не хотели – не могли и боялись ответственности. Тогда для кого и для чего готовились эти «специалисты» с «верхним» образованием? И где гарантия, что они осознают никчемность своего образования и у них исчезли амбиции?

Потом прочел в книге француза Г. Лебона «Психология народов и масс», впервые изданной в России в 1898 году, критику латинской системы образования, ныне властвующей во всем мире (выделено мною. – Ю. М.):

«...Главная опасность этой воспитательной системы, вполне справедливо именуемой латинской системой, заключается в том, что она опирается на то основное психологическое заблуждение, будто заучиванием наизусть учебников развивается ум. Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Все учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться».

Прерву Лебона вопросом: а насколько это тяжело – заучить то, что преподают в ВУЗе? Вот выводы современных психиатров, изучающих умственные отклонения людей и выделяющих группу «конституционно глупых» – глупых от природы:

«Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе: когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными».

Как видите, для глупцов от природы (или от лени) нет проблем в заучивании слов в учебном заведении с последующим воспроизведением их на экзамене, нет у них проблем и в обществе, особенно в обществе себе подобных. Психиатры фиксируют:

«Они умеют себя “держать” в обществе, говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение “Salon blödsinn” – салонное слабоумие)...

Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия.

С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации.

Одной из отличительных черт конституционально-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, “общественному мнению”».

Становятся понятными подконтрольные правительствам «институты изучения общественного мнения» и навязчивое сообщение ими «мнения избирателей» о «рейтинге кандидатов» накануне выборов.

«К конституционно-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие мысли или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец – правда, в шаржированном, карикатурном виде – изречения Козьмы Пруtkова).

Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение, ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований.

Нелишне подчеркнуть, что по отношению ко многим видам конституционной глупости подтверждается изречение знаменитого немецкого психиатра, что они могут, умеют

больше, чем знают... в результате чего в грубо элементарной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди».

Но верну слово Лебону, продолжающему сообщать о дефектах латинской системы образования:

*«...Если бы такое воспитание было только бесполезно, то можно было бы ограничиться сожалением о несчастных детях, которым предпочитают преподавать генеалогию сыновей Клотария, или историю борьбы Невстрии и Австразии, или зоологические классификации, вместо того чтобы обучить их в первоначальной школе чему-нибудь полезному. Но такая система воспитания представляет собой гораздо более серьезную опасность: она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения, так что крестьянин уже не желает более оставаться крестьянином и самый последний из буржуа не видит для своего сына другой карьеры, кроме той, которую представляют **должности, оплачиваемые государством.***

Государство, производящее всех этих дипломированных господ, может использовать из них лишь очень небольшое число, оставляя всех прочих без всякого дела, и таким образом оно питает одних, а в других создает себе врагов. Огромная масса дипломированных осаждают в настоящее время все официальные посты, и на каждую, даже самую скромную официальную должность кандидаты считаются тысячами, между тем как какому-нибудь негодяю, например, очень трудно найти агента, который мог бы быть его представителем в колониях. В одном только департаменте Сены насчитывается 20 000 учителей и учительниц без всяких занятий, которые, презирая ремесла и полевые работы, обращаются к государству за средствами к жизни. **Так как число избранных ограничено, то неизбежно возрастает число недовольных,** и эти последние готовы принять участие во всякого рода возмущениях, каковы бы ни были их цели и каковы бы ни были их вожди. Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в человеке недовольство.

Это явление свойственно не только латинским странам; мы можем наблюдать то же самое в Китае – стране, также управляемой солидной иерархией мандаринов, где звание мандарина, так же как у нас, достигается путем конкурса, причем все испытание заключается в безошибочном цитировании наизусть толстых руководств. **Армия ученых, не имеющих никаких занятий, считается в настоящее время в Китае истинным национальным бедствием.** То же самое стало наблюдаться и в Индии, после того как англичане открыли там школы не для воспитания, как это делается в Англии, а для того только, чтобы обучать туземцев. Вследствие этого в Индии и образовался специальный класс ученых, бабу, которые, не получая занятий, становятся непримиримыми врагами английского владычества. У всех бабу – имеющих занятия или нет – **первым результатом полученного ими образования было понижение уровня нравственности.** Этот факт, о котором я много говорил... констатируется всеми авторами, посещавшими Индию».

При формировании пятой колонны имеется в виду активность агрессора, имеется в виду, что это агрессор сформирует пятую колонну в стране-жертве, однако, как вы видите, несчастная жертва сама может из своих «бабу» сформировать свою пятую колонну всего лишь глупостью своей системы образования, жертва сама может подготовить себе собственную гибель.

Завышение оценки моральных сил жертвы агрессии

Мораль – это традиции общества иметь определенные нормы поведения. Но традиции изменяются вместе с условиями жизни, мало этого, в разных сословиях или племенах они могут быть разными. Кроме того, если такие нормы поведения, как честность или совесть в массе общества, иностранец еще так-сяк сможет оценить в мирное время, то чувство долга в мирное время оценить невозможно, поскольку в мирное время долг не востребуется, посему все имеют возможность заявлять, что готовы исполнить долг и даже клятву дать. И как оценить, как эти люди поведут себя тогда, когда долг потребует отдать, – при угрозе войны и в условиях войны? Ошибки в оценке степени деморализации общества могут быть велики, причем как в плюс, так и в минус.

Мы видим, что все заинтересованные правительства грубейшим образом ошиблись в оценке моральных сил Польши. Надо думать, что в основу неправильной оценки лег формальный подсчет вооруженных сил Польши и тот факт, что в 1920 году Польша выиграла войну у только зарождавшегося тогда и раздираемого Гражданской войной будущего СССР. Эту победу поляков определила глупость и трусость командовавшего Западным фронтом РККА М. Тухачевского, а отнесли ее в заслугу Пилсудскому и польской шляхте. Интересно, что сам Пилсудский, надо отдать ему должное, назвал свою победу «комедией ошибок», хотя он действительно, как настоящий великий полководец, приложил все силы, чтобы эта польская победа состоялась. Но она никак не изменила гнусную сущность польской шляхты, которая хороша только для внезапного мятежа и которая быстро удирает за границу, как только возникает угроза собственной жизни. Никто как-то не оценил, что у польской шляхты нет традиции исполнять свой воинский долг перед Польшей с риском для жизни.

Можно представить, какой неожиданностью для немцев была деморализация польской армии, ведь до весны 1939 года немцы и поляки были фактическими союзниками – еще в 1938 году они вместе напали на Чехословакию и заставили ее капитулировать, причем Польше досталась Тешинская область Чехословакии. Немцы даже наметок военных планов против Польши до весны 1939 года не имели, не вели они и никакой подрывной работы против Польши. Когда стало понятно, что с Польшей придется воевать, немцы наверняка начали работу по формированию в Польше пятой колонны, пытаясь возбудить для этого западноукраинских националистов, но ничего не успели сделать, и эти националисты никак в последовавшей германо-польской войне себя не проявили.

Да, успехи поляков в войне 1920 года внесли капитальную ошибку в оценку шляхты. Слова же самого маршала Пилсудского о том, что это он заставил поляков победить (*«Я победил вопреки полякам... Победы одерживались с помощью моего кнута»*), и его характеристику полякам как идиотам Сталин и Гитлер, видимо, считали простым хвастовством и последствиями старческого маразма и тяжелой болезни Пилсудского. Между тем свою книгу «1920 год» Пилсудский написал еще в 1924 году, когда не был ни стариком, ни диктатором Польши, а события войны 1920 года еще у всех были свежи в памяти. А в этой книге он характеризовал польскую элиту как *«мудрствующее бессилие и умничающую трусость»*. Когда Пилсудский метался со своего Южного фронта, где пытался остановить Буденного, на Северный фронт, где пытался остановить удирающие толпы польской армии, эта элита за его спиной послала к Советскому правительству делегацию, как он пишет, *«с мольбой о мире»*. Он и тех, кто был правителем Польши в 1939-м и в последующих годах, уже в 1924 году описывает как откровенных трусов. Пилсудский пишет, что затратил огромные силы в войне 1920 года, планируя операцию в расчете на заверения генерала Сикорского, что тот удержит Брест 10 дней, но Сикорский удрал из Бреста уже на следующий день после того, как дал обещание. Маршалу в 1939 году, а в 1920 году еще генералу Рыдз-Смиглы Пил-

судский дал приказ нанести *«удар по главным силам Буденного около Житомира»*. Однако трусливый Рыдз-Смиглы *«отвел свои войска в северо-западном направлении... как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного»*.

Сталину и Гитлеру для оценки предстоящего поведения Польши надо было брать иные исторические аналогии. Сталину надо было вспомнить Польшу Станислава Лещинского, когда основной боевой тактикой польской армии было бряцание оружием и обещание разорвать противника в клочья с последующим драпом с поля боя после первого же выстрела этого противника. А Гитлеру надо было вспомнить, что эту излюбленную тактику поляки применяли и против Фридриха Вильгельма – отца любимого Гитлером короля Фридриха II. Герцог бранденбургский Фридрих Вильгельм совместно со шведским королем Карлом X пришел под Варшаву в июле 1656 года, чтобы отстоять свое суверенное право на Восточную Пруссию. Их встретила вчетверо превосходящая по силам польско-литовская армия Яна Казимира. Шведы и бранденбуржцы разогнали поляков, лишив их артиллерии. По этому поводу польский писатель Генрик Сенкевич в романе «Потоп» пишет: *«На Варшавском мосту, который рухнул, были утрачены только пушки, но дух армии был переправлен через Вислу»*. Само собой. Как же это можно – польская армия, да без духа? Наверное, когда 30 июля бранденбуржцы со шведами входили в Варшаву, они от этого духа сильно морщились.

При этом Лещинский, заваривший всю эту кашу в XVIII веке, когда дошло дело до личного участия в бою, бросил Польшу, бросил свою шляхту, бросил 2000 присланного Францией войска и удрал за границу. Ян Казимир, который вызвал войну со Швецией и Бранденбургом в XVII веке тем, что потребовал себе шведскую корону, когда дошло дело до личного участия в отстаивании этих претензий, бросил Польшу на разграбление шведам и удрал за границу. Какие были основания считать, что польская элита образца 1939 года поступит как-то по-иному?

Сталин и Гитлер ошиблись, равняя поляков по себе. Каким бы ни был Гитлер, но у него и мысли не было бросить немцев и удрать из Берлина в апреле 1945 года. А когда немцы в октябре 1941 года вплотную подошли к Москве, то в запасную столицу Куйбышев были эвакуированы посольства, наркоматы, институты, но Сталин и не подумал уезжать из Москвы. Командование оборонявшего Москву Западного фронта тогда запросило у Сталина разрешение отвести штаб фронта на восток за Москву, в Арзамас, а командный пункт фронта отвести в саму Москву – в здание Белорусского вокзала. По свидетельству маршала Голванова, Сталин предупредил командование Западного фронта, что если оно вздумает еще отступать, то Сталин его расстреляет и в командование фронтом вступит сам. Немцы уже бомбили Кремль, в охранявшем Кремль полку были убитые и раненные, но Сталин Кремль не покидал.

Занижение оценки моральных сил жертвы агрессии

Оценка Польши была грубейшей ошибкой всех правительств, которая привела к неоправданной переоценке моральных сил этого государства. Но мы видели, что и в оценке моральных сил СССР правительства всех государств кардинально ошиблись, но теперь уже в обратную сторону – очень сильно недооценили моральные силы СССР.

Посмотрите по итоговым числам Второй мировой войны. Известные своей храбростью (по кинофильмам) отчаянные поляки на третий день боев начали удирать от немцев во все стороны и страны, потеряв за три недели войны примерно, одного убитого солдата на 400 человек населения. Бывшие храбрые французы при таких же потерях сдались. Немцы, храбрые, умелые, азартные солдаты, безусловно преданные Германии, потеряли в ту войну за будущее государство для своих детей около 7 миллионов населения, или каждого десятого. И сдались! Советские люди, разбившие 7 из каждых восьми немецких дивизий, потеряли за будущее государство для своих детей каждого седьмого (!) гражданина.

Но не сдались и отстояли свое государство! Почему?

Причем то, что в данном случае явно недооценивались именно моральные силы, а не военные, хорошо видно на примере Советско-финляндской войны.

Когда я сообщаю читателям, что в 1939 году Финляндия желала и хотела войны с СССР с целью захвата у Советского Союза территорий и даже первый выстрел сделала Финляндия, то читатели возмущаются: как это возможно?! Сегодня это действительно уму непостижимо: как могла Финляндия со своими 3,5 миллионами населения иметь планы по захвату территории СССР с его 170 млн?!

Тем не менее работа комиссии российско-финских историков в финских архивах приводит именно к такому выводу. Ни о каком отстаивании свободы и суверенитета «бедненькой Финляндии» в правительственных и военных кругах Финляндии и речи не шло. Из оперативных планов финской армии, сохранившихся в Военном архиве Финляндии, следует, что *«предполагалось сразу после нападения СССР перейти в наступление и занять ряд территорий, прежде всего в Советской Карелии... командование финляндской армии окончательно отказалось от этих планов лишь через неделю после начала “зимней войны”, поскольку группировка Красной армии на этом направлении оказалась неожиданно мощной»*. Финляндия собиралась установить новую границу с СССР по *«Неве, южному берегу Ладожского озера, Свири, Онежскому озеру и далее к Белому морю и Ледовитому океану (с включением Кольского полуострова)»*. Вот так!

В войне 1939–1940 годов Финляндия отказалась от этих планов только через неделю после начала войны, когда реально попробовала наступать и у нее это плохо получилось. По этим планам укрепления «линии Маннергейма» отражали удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Граница новой Финляндии должна была быть отодвинута и проходить, как вы прочли выше, по линии Нева – южный берег Ладожского – восточный берег Онежского озер – Белое море.

Разгром финской армии в 1940 году финнов ничуть не успокоил, эти планы оставались в действии и тогда, когда Финляндия примкнула к нацистской Германии в ее агрессии против СССР в 1941 году. Тогда правительство СССР начало энергично пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939–1940 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, сами угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: *«Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы действительно необходимо*

для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны». Об этом интересующиеся могут сами прочесть в подборке документов журнала «Родина». Документы тем более убедительны, что весь журнал издается администрацией президента России и выдержан в сугубо антисоветском духе.

Надо понять, что со стороны Финляндии цели войны выглядели очень соблазнительными и с экономической, и с военной точек зрения: площадь Финляндии увеличивалась вдвое, а сухопутная граница с СССР сокращалась более чем вдвое. Граница проходила бы сплошь по глубоким рекам и мореподобным озерам. Надо сказать, что цель войны, поставленная перед собою финнами, если бы она была достижима, не вызывает сомнений в своей формальной разумности.

Даже если бы не было финских документов по этому поводу, то об этих сугубо агрессивных планах можно было бы догадаться. Посмотрите на карту тех времен. Финны укрепили «линией Маннергейма» маленький кусочек (около 100 км) границы с СССР на Карельском перешейке – именно в том месте, где по планам и должна была проходить их постоянная граница. А тысяча километров остальной границы СССР? Ее финны почему не укрепляли? Ведь если бы СССР хотел захватить Финляндию в ходе войны 1939–1940 годов, то Красная армия прошла бы туда с востока, из Карелии. «Линия Маннергейма» просто бессмысленна, если Финляндия действительно собиралась обороняться, а не наступать. Но, в свою очередь, при наступательных планах Финляндии строительство оборонительных линий на границе с Карелией становилось бессмысленным – зачем на это тратить деньги, если Карелия отойдет к Финляндии и укрепления надо будет построить, вернее, достроить к «линии Маннергейма» на новой границе! На границе, которую предстояло завоевать в 1939 году!

Соблазн соблазном, но ведь финны не полные же идиоты – как они могли на это решиться: с 3,5 миллионами выступить против 170?

Разумеется, правительственные и военные круги Финляндии надеялись на то, что к ним примкнут великие державы и тоже объявят войну СССР, благо Англия и Франция бездействовали в войне с Германией, а СССР заключил договор о дружбе с ней. И, судя по событиям, какие-то устные обещания финны от великих держав получили. Но главное не в этом. Дело в нас – мы почти всегда допускаем ошибку: мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы знаем, чем был СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда – в 1939 году?

Давайте вернемся в то время и посмотрим на Россию глазами тех людей. К началу Второй мировой Россия более 100 лет неспособна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна была война Японии, маленькой стране. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать! В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после боев белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. Ведь гитлеровское определение СССР как «колосса на глиняных ногах» не из вакуума взялось.

И добавьте к этому советских диссидентов. Ведь вся разведка как Финляндии, так и всех стран либо прямо велась через них, либо велась с их помощью, и наверняка штабами всех стран не принималась во внимание заинтересованность диссидентов в соответствующей

щем искажении действительности. К примеру, финская тайная полиция докладывала правительству накануне войны, что в СССР 75 % населения «ненавидят режим». А ведь это означало, что нужно только войти в СССР – и население само уничтожит большевиков, встретит «армию-освободительницу» хлебом-солью и уж в любом случае воевать за большевиков не будет. Генштаб Финляндии, базируясь на анализе предательских действий советского маршала Блюхера в боях с японцами на озере Хасане летом 1938 года, докладывал, что Красная армия не способна не только наступать, но и обороняться. Учитывая такую слабость противника, грех было не воспользоваться ею, посему финское правительство и не сомневалось, что один на один Финляндия способна вести войну с СССР не менее шести месяцев и победить. И оно, повторю, было уверено, что за такой огромный срок сумеет привлечь на свою сторону какую-либо из великих держав в союзники.

Как вы поняли из приведенной выше цитаты из Дейтона, в оценке моральных сил СССР финское правительство выглядит не более глупо, чем правительства Англии или США и тем более чем Гитлер. В 1941 году Гитлер бодро атакует СССР, а уже 12 апреля 1942 года, чтобы объяснить провал блицкрига, выдает идиотскую тираду: *«Вся война с Финляндией в 1940 году – равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами – это не что иное, как грандиозная кампания по дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой»*. По Гитлеру, получается, что Сталин специально прикидывался слабым, чтобы не перепугать Гитлера перед нападением на СССР. То есть в 1941 году и Гитлер грубейшим образом и для Германии фатально ошибся в оценке моральных сил СССР.

* * *

Поскольку рассматривается вопрос молниеносной войны, то есть мы смотрим на проблему со стороны агрессора, то можно сделать вывод, что уничтожение моральных сил противника путем деморализации его народа (и армии) – наиболее экономичный и наименее рискованный способ победы в войне. Это же и наиболее надежный путь (если придется) провести «горячую» фазу войны молниеносно. Способы деморализации можно свести к трем принципиальным:

- внушить народу-жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

- «разделяй и властвуй!» – разделить общество на части, а эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным – то, что и требуется;

- склонить влиятельную часть общества к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ или власти в завоеванном государстве – играть на алчности, глупости, трусости и подлости отдельных страт и личностей.

Разумеется, все это надо делать заблаговременно, поскольку подрыв моральных сил – это процесс не быстрый и надо максимально использовать мирный период с его открытостью и возможностью относительно легально вести вербовку и пропаганду.

Замечу, не принято относить к пятой колонне генеральско-офицерский состав армии – его считают просто предателями, что, в общем-то, так и есть. Однако надо понимать, что если генеральско-офицерский состав армии в мирное время формируется не из людей высоких моральных качеств, а из людей, которые идут в армию всего лишь для того, чтобы иметь высокий статус и хорошее материальное положение, то эти люди на самом деле и не умеют воевать и сами знают это. То есть они заведомо запуганы собственным непрофессионализ-

мом, собственным неумением воевать. Посему при угрозе войны и возрастающем риске гибели вообще и в частности от собственного непрофессионализма эти люди также могут стать аналогом пятой колонны. Стать сознательно еще до войны или по чистой трусости уже с началом войны.

Облегчает создание пятой колонны наличие в стране-жертве большого количества «бабу» – глупцов, сумевших получить образование, а вместе с ним и амбиции, несоразмерные способностям.

Военная теория молниеносной войны

Однако немцы во Второй мировой войне не только громили государства-жертвы всеми имевшимися в распоряжении Третьего рейха силами, не только пятыми колоннами, но и немецкая армия выигрывала у противников сражение за сражением. Немецкая армия действительно была чрезвычайно сильна, причем не только с моральной точки зрения, но и по всем чисто военным аспектам. Невозможно оспорить тот факт, что военный гений и талант немецких генералов внес в молниеносную войну свой вклад по максимуму.

С первого взгляда рассмотрение военной силы немцев как бы упрощается тем, что редкий историк связывает молниеносность войны еще с чем-нибудь, кроме собственно военных действий, то есть вопрос, казалось бы, донельзя изучен вдоль и поперек. В результате и энциклопедии подают молниеносную войну как чисто военное мероприятие. Скажем, русский вариант Википедии дает о ней такую краткую справку: *«Блицкриг (нем. Blitzkrieg, от Blitz – “молния” и Krieg – “война”) – теория ведения скоротечной войны, согласно которой победа достигается в сроки, исчисляемые днями, неделями или месяцами до того, как противник сумеет мобилизовать и развернуть свои основные военные силы. Создана в начале XX века Альфредом фон Шлиффеном. Суть современной стратегии блицкрига заключается в автономных действиях крупных танковых соединений (танковых групп) при активной поддержке авиации. Танковые подразделения прорываются в тылы противника на большую глубину, не вступая в бой за сильно укрепленные позиции. Целью прорыва является захват центров управления и нарушение линий снабжения противника. Основные силы противника, оказавшиеся без управления и снабжения, быстро теряют боеспособность»*.

Хотя это и не имеет значения, но «теория» Шлиффена имела вид не теории молниеносной войны, а была всего лишь конкретным планом войны с Францией, молниеносность которого благополучно провалилась при попытке реализовать этот план на практике. Правда, в статье о Шлиффене Википедия пишет: *«При подготовке Второй мировой войны Гитлер, уверенный (на основании срыва Великобританией и Францией Московских переговоров 1939 г., на которых так и не было подписано соглашение о союзе против агрессии гитлеровской Германии) в полном исключении опасности войны на два фронта, решил воспользоваться разработками Шлиффена, и основные положения плана (мариш через Бельгию) были оставлены в силе»*. Опять не то, поскольку на самом деле, как пишет Кейтель, идея нового плана разгрома Франции с самого начала была оригинальным планом Гитлера, а не Шлиффена.

Еще в октябре 1939 года, когда рассматривался самый первый вариант плана войны во Франции, разработанный немецким Генштабом, то, по утверждению Кейтеля, произошло следующее: *«Несколько дней спустя – это было, верно, в середине октября – генерала Гальдера вызвали к фюреру для доклада оперативного плана “Запад”. Присутствовали Йодль и я. Хотя Гитлер и перебивал докладчика различными репликами, но в заключение сказал: от высказывания своей позиции он воздержится до тех пор, пока Гальдер не вручит ему карту с планом операции. Когда Гальдер удался, Гитлер заявил нам примерно следующее: ведь это же старый план Шлиффена с сильным правым крылом на Атлантическом побережье; такие операции дважды безнаказанно не проходят! Я же придерживаюсь совсем иного взгляда и в ближайшие дни скажу вам (Йодлю и мне) об этом, а потом сам поговорю с ОКХ»*.

Из-за нехватки времени не хочу здесь рассматривать вытекавшие отсюда оперативные вопросы, а ограничусь констатацией: именно лично Гитлер требовал прорыва танковых групп через Седан к побережью Атлантики у Абвилля, с тем чтобы охватить с тыла

и отрезать пробивающуюся сюда, как можно было предвидеть, франко-английскую моторизованную армию».

Немецкий Генштаб против этого плана Гитлера встал на дыбы, но Гитлер настоял на своем: *«Мы выиграем эту войну, даже если она стократно противоречит доктрине Генштаба».* И немцы выиграли войну против Франции и ее союзника Великобритании молниеносно. Но это к слову не о молниеносной войне, а об ее историях.

Главная же идея молниеносной войны по Википедии – прорыв фронта и *«захват центров управления и нарушение линий снабжения противника».* А кому и когда это было неизвестно и когда и кто не пытался это сделать? К примеру, до начала XVIII века воюющие армии не отходили от баз снабжения далее, чем позволял это сделать запас сухарей в ранце, и все оперативное искусство генералов и состояло в том, чтобы перерезать противнику пути снабжения. А в XX веке это стало диковинкой?

Английский вариант Википедии, написанный англоговорящими историками, добавляет к русскому варианту не много: *«Метод ведения войны, согласно которому атакующая сторона концентрирует на острие удара бронетанковые и моторизованные или механизированные пехотные соединения и при сильной поддержке авиации прорывается в тыл противника с помощью серии глубоких продвижений; оказавшись в тылу противника, сбивает его части с подготовленных позиций, используя скорость и внезапность, с последующим окружением. Путем комбинированного использования различных родов войск в маневренной войне, блицкриг ставит целью вывести противника из устойчивого боевого состояния, затрудняя эффективный ответ противника на постоянно меняющуюся конфигурацию фронта, и победить путем нанесения решающего поражения».* Как видите, сюда добавлено окружение, но это не метод выиграть войну – это метод выиграть сражение, и потом – кто и когда об этом не знал? Еще в III веке до нашей эры Ганнибал окружил под Каннами и уничтожил римскую армию. А в XX веке окружение противника стало военной находкой?

Единственная оригинальная идея Шлиффена – это то, что быстрота войны является ее главным методом – главным «инструментом». Главным потому, что при быстрой войне враг не успевает подготовить адекватный ответ ни в политическом, ни в организационном, ни в тактическом отношениях. И вот эта идея – быстрота, действительно использовавшаяся Гитлером, – остается незамеченной аналитиками и историками в пользу нескончаемых размышлений о превосходстве в воздухе и танковых клиньях.

Между тем эта древность, известность и понятность всех способов боев и операций молниеносной войны привела к тому, что ряд немецких генералов (скажем, Ф. Гальдер, К. Штудент) и после окончания Второй мировой прямо утверждали, что у немецкого командования НИКОГДА НЕ БЫЛО ни концепции, ни теории молниеносной войны. С военной точки зрения такой войны нет, а немецкие генералы просто *«использовали нужные части в нужном месте и в нужное время»*, как они это делали при любом развитии событий на фронте – хоть молниеносном, хоть позиционном.

Для дальнейшего рассмотрения принципиальных положений военного искусства, сначала рассмотрим общие принципы военной победы над противником на поле боя, но для себя отметим, что в конфликте мало-мальски равных по силе стран единственная осмысленная попытка провести войну быстро за счет только военного искусства (немцами в августе 1914 года) увенчалась провалом.

Факторы тактического преимущества

Военное дело включает в себя:

- стратегию – способы выиграть войну;
- оперативное искусство – способы победить в операции по уничтожению крупных сил противника или по захвату вражеских областей;
- и тактику – способы победить противостоящего противника боем.

Стратегия – это профессиональное дело руководителей государств, а генералы хотя и мнят себя стратегами по старинке, но не могут ими быть уже потому, что им не принадлежит руководство ни моральными, ни экономическими силами государства.

Генералам остаются тактика и оперативное искусство. Начнем с тактики и с эпохи архаических войн, поскольку время меняло оружие и способы его применения, но не меняло принципы победы в бою (тактику самого боя), посему и аналогии тут уместны.

Мы пропустим период, когда бои велись только врукопашную, и возьмем для модели период, когда на поле боя стал властвовать ружейный и артиллерийский огонь. Но с самого начала нужно упомянуть о том, что с развитием огнестрельного оружия незаметно, но неуклонно стало терять боевой смысл такое понятие, как атака. Имеется в виду ускоренное движение своих войск, подбадривающих себя боевыми кличами, на войска противника. Когда уничтожение солдат противника велось только за счет мускульной силы (копьем или мечом), атака добавляла этой силе энергию движения атакующих и смущала противника.

Но когда уничтожать противника стали пуля и снаряд, причем скорострельность оружия непрерывно возрастала, а строй солдат все время разрежался, превращаясь в цепь, даже такое холодное оружие, как винтовочный штык, потеряло значение и, по сути, стало архаичкой еще в конце XIX века. А немецкий фельдмаршал А. Шлиффен в начале прошлого века в своей работе «Современная война» подборкой фактов уже ставил крест на холодном оружии:

«Винтовки и орудия легки и удобны для манипулирования, они просто заряжаются, быстро стреляют, обладают большой дальностью, надежно поражают цель, господствуют над большим пространством. Новый порох, не давая видимого издали дыма, не позволяет обнаружить ни артиллериста, ни орудия. Пули минимального диаметра и веса позволяют производить подвоз больших количеств боевых припасов и дают возможность использовать скорострельность винтовок. Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверена, а глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью.

...Никакая войсковая часть в сомкнутом строю, никакой отдельный и во весь рост стоящий человек не может устоять под дождем пуль. Уже при Марс-ля-Туре, где применялось оружие, с нашей точки зрения несовершенное и теперь уже устаревшее, один прусский полк, шедший в атаку сомкнутым строем, потерял в течение менее чем получаса 68 % своего состава. Три года назад японская бригада Намбу оплатила свою смелость в гораздо более краткий срок потерями в 90 % своего состава. В Южной Африке расположенный в укрытии одиночный стрелок легко выводил из строя 14 атакующих его бойцов».

Какой уж тут штык! Но об этом позже и специально.

А я начну с важнейшего момента, еще в XVII веке удачно сформулированном французским маршалом дэ Эстамп дела Ферте: «Бог всегда на стороне больших батальонов».

Вот давайте гармонию этой мысли проверим алгеброй, вернее арифметикой.

Предположим, у нас 100 солдат-роботов с одной и другой стороны, они стоят строем друг против друга (как реально и было в тех войнах) и стреляют друг в друга, делая один выстрел в минуту (скорострельность ружей два века назад). Предположим также, что вероятность попадания с обеих сторон одинакова и равна 10 %. Посмотрим теперь, каковы будут потери сторон после 4 минут боя – после 5 залпов? (Одна пуля уже была в стволе.) После 1-го залпа в строю каждой стороны останется по 90 солдат, после 2-го – по 81, после 3-го – по 73, после 4-го – по 66, после 5-го – меньше 60. То есть потери будут около 41 солдата.

А теперь представим, что одна из сторон имеет не 100, а 200 солдат. Тогда после 1-го залпа у этой стороны в строю останется 190 солдат, а у противника – 80. После 2-го – 182 и 61, после 3-го – 176 и 43, после 4-го – 172 и 26, после 5-го – 169 и 9. Потери «большого батальона» – 31 солдат, «малого» – 91 солдат. Не только слабые потеряли более чем в два раза больше, но и сильные потеряли существенно меньше, чем в случае сражения равными силами.

При этом не имеет никакого принципиального значения, как именно вы организовали на поле боя свой «большой батальон». Могли, как в модели, подвести больше солдат к боевым порядкам противника. А могли отсечь часть его войск и расправиться сначала с ней, или напасть на слабо вооруженных, или могли сманеврировать так, чтобы не все солдаты противника во время боя могли действовать оружием. Принцип «большого батальона» – принцип резкого увеличения потерь противника и сокращения своих потерь – останется.

А теперь представим, что наших солдат-роботов по-прежнему одинаковое количество, но один противник стреляет в два раза чаще, то есть в 4 минуты сделает не 5 выстрелов, а 9. Не буду перегружать текст числами, но через 5 минут боя у быстро стреляющих в строю останется 67 солдат, а у медленно стреляющих – 26. Опять не только медленные потеряли больше, но и скорострельные потеряли меньше.

А теперь представим при тех же условиях по 100 солдат-роботов в строю и стреляющих с одинаковой скорострельностью, но одна команда стреляет в 2 раза точнее, то есть с каждым залпом в ней попадает не один из десяти солдат, а один из пяти. Опять не буду перегружать текст числами, но через 5 залпов у метко стреляющих в строю останется 69 солдат, а у посредственно стреляющих – 17. Опять не только промахивающиеся потеряли больше, но и меткие потеряли меньше.

Не будем загружать себя расчетами ввиду их очевидности, но такой же эффект будет иметь защита одной стороны от огня другой. В древние времена это была индивидуальная защита (щиты, латы, кирасы) или коллективная защита – крепости и их полевые аналоги. С середины XIX века – с увеличением мощности поражающих снарядов – в практику вошла защита себя землей, вошло окапывание обороняющихся. Уже в ходе Гражданской войны в США (1861–1865) выяснилось, что войска, находящиеся в окопах, несут потерь в три раза меньше, чем атакующие их войска. С Первой мировой появился еще один вид защиты – броня танков и боевых машин.

Но это не все виды защиты. Защитой может быть и возможность открывать огонь по противнику с расстояния, с которого он не может тебя поразить. Скажем, поражение русских войск в Крымской войне во многом определило то, что англо-французская пехота была вооружена более дальнобойными нарезными ружьями. В результате она наносила русским войскам урон с расстояния, на которое русские гладкоствольные ружья просто не добивали.

Защитой может быть незаметность для противника. Тут важна и маскировка, и нахождение за складками местности, за деревьями и т. д. – все, что делает тебя менее заметным по сравнению с твоим открытым стоянием на чистом месте во весь рост. Защитой может быть и быстрота передвижения в зоне воздействия огня противника, ведь противнику для подготовки выстрела и тем более такого огня, как артиллерийский, требуется время, кроме этого, для полета пули и снаряда тоже требуется время. При собственной быстроте маневра в

зоне досягаемости оружия противника его снаряды будут падать уже на пустое место. Наконец, можно добиться, чтобы противник или вообще не стрелял, или стрелял не прицельно, что тоже является собственной защитой. Для этого противника можно ослепить, к примеру дымом, а можно вести по нему настолько плотный огонь, что он не сможет не только прицельно стрелять, но и головы поднять.

Забегая вперед, отмечу, что такие виды защиты, как броня боевой техники или бронежилеты, – это, конечно, следствие ответственной работы правительства и возможностей экономики государства. Но вот все остальные способы доступны любому офицеру и генералу, и если войска гибнут из-за того, что командиры не использовали на поле боя имеющиеся средства защиты – местность, маневр, маскировку, – то это вина генералов и офицеров, вина их неграмотности и безответственности.

Оба первых фактора тактики – количество войск и скорострельность – можно объединить в один – мощь огня.

Меткость огня надо осовременить и добавить эффективность снарядов у цели. В XIX веке артиллерийская граната полупудового единорога, весившая более 8 кг, при разрыве давала до 15 осколков, а в XX осколочно-фугасный снаряд 76-мм орудия, весивший 6,2 кг, давал 600–800 убойных осколков. Это надо учесть и ввести меткость в суммирующий фактор – эффективность огня.

Теперь пару слов об оперативном искусстве. Это понятие возникло сравнительно недавно и не всеми признается. Дело в том, что это только в настоящее время тактикой считается только искусство выиграть бой, но в старом, исконном значении этого слова – это искусство использовать местность для победы. То есть использовать ее для придания дополнительной силы своим войскам, или, иными словами, для придания дополнительной поражающей силы имеющемуся у твоих войск оружию. Кредо Наполеона: *«Военное искусство – это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*.

Но во времена Наполеона это нужное место располагалось на (от силы) паре сотен квадратных километров, а маневрировавшие войска редко превышали сотню тысяч человек, причем практически все необходимое для боя и жизни было при них. (Кстати, когда Наполеон вошел в Россию и трудности нахождения «нужного места» возросли на порядок, он уже не сумел быть сильнее в «нужное время» и потерпел поражение практически без решающих боев со стороны русской армии.) Сейчас же масштабы сражений увеличились многократно, потребности войск в сообщении с тылом на порядки возросли, соответственно, действительно имеет смысл эту часть тактики (использование местности в крупных операциях) выделить в отдельное искусство. Но принципы и тактического, и оперативного искусства остаются одинаковыми – *«это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*.

К этому следует добавить, что и раньше слабой частью любой армии были те, кто находятся за боевыми линиями – в тылу. Это тыловые и специализированные войска. Они если и вооружены, то не комплексно и не в состоянии равноценно противостоять боевым войскам противника, но без этих тыловых и специализированных войск и свои боевые войска много (долго) не навоюют. Поэтому само собой разумеющимся является маневр прорыва боевых линий противника и выход ему в тыл с желательным окружением части его войск – тут и легкая добыча, и слабое сопротивление, и обессиливание боевых частей противника отсечением им путей снабжения и пополнения. Это настолько понятно не теоретическому болтуну, а настоящему военному, что немецкие генералы на вопрос о молниеносности войны при помощи их «танковых клиньев», как вы видите, чешут в затылке и сообщают, что не было у них никаких ни собственно военных концепций, ни собственно военных теорий молниеносности. Просто они *«использовали нужные части в нужном месте и в нужное время»*.

Итак, факторы тактического преимущества – факторы нанесения противнику максимальных потерь:

1. Больше, чем у противника, мощность огня.
2. Больше, чем у противника, эффективность огня.
3. Лучше, чем у противника, защищенность от его огня.

Что в данном случае очень важно. Перечислены принципы, ведущие к победе в боях, повторю, ПРИНЦИПЫ. То, чему должны соответствовать все остальные составляющие боя. Если какая-то деталь тактики или оружия, если какой-то метод боя этим принципам не соответствуют, то они в лучшем случае лишние, если не просто вредны.

Как видите, ничего нового или заумного в этих принципах просто нет, почему Клаузевиц и писал, что военное дело доступно любому здравому уму. Но воевать трудно, поскольку вопрос, как этих преимуществ достичь и будут ли они достигнуты, зависит от генералов. И при рассмотрении военных сил государства все в конечном итоге и сведется к генералам. И, разумеется, к главам государств. В первую очередь к тем главам, идеи которых были внедрены в организацию и вооружение армии еще до войны, как это было в случае с А. Гитлером. Да, разумеется, когда война начинается, то главы государств по своему положению стратегов обязаны заниматься армией на всю им посильную глубину встающих перед армией проблем, но если генералы накуролесили до войны, то тут и главам государств можно посочувствовать.

Однако при рассмотрении военных сил государства о генералах разговор будет отдельно. И постоянно. Сейчас же просто пара примеров для затравки, чтобы убрать неясности в вопросе, что значит понимать принципы тактики.

Был в немецкой истории прусский король Фридрих II (1712–1786), весьма воинственный полководец. После двух мировых войн, в которых Россия и СССР воевали с немцами, об этом короле не принято вспоминать, тем более хорошо, но современные ему русские генералы, такие как П. Румянцев или А. Суворов (кстати, сражавшиеся с его войсками), ставили себе его примером. (Как-то в ресторане разговорился с немцем и вспомнил об этом короле. Немец очень удивился, во-первых, тому, что я слышал о «старом Фрице», во-вторых, тому, что этот король терпел поражения от русских войск. В немецкой истории он остался непобедимым.)

Перед военным делом у Фридриха II действительно много заслуг. Он, к примеру, ввел в тактику «косую атаку» – удар по флангу, что при тогдашнем линейном построении войск было весьма эффективно. Он не сторонился рукопашной схватки – его «черные гусары» в сабельной атаке обязаны были мчаться на противника в таком плотном строю, что живые лошади удерживали убитых и несли их на врага вместе со всадниками. Однако именно Фридрих II ввел усовершенствованные ружья для прусской пехоты.

Ружье тех времен заряжалось с дула, замок был кремневый. Чтобы зарядить ружье, нужно было открыть полку, в которую выходило запальное отверстие, откусить конец бумажного патрона, отсыпать из патрона немного пороха на полку, а поскольку полка относительно маленькая, то при этой операции нужна была особая тщательность, то есть потеря времени. Затем закрыть полку, всыпать остатки пороха в дуло, послать за порохом остаток бумаги патрона с пулей, вынуть шомпол, прибить пулю шомполом, вставить шомпол на место, взвести курок и начать целиться. Все это занимало около минуты и, казалось бы, убыстрить процесс заряжания невозможно. Но при Фридрихе II ружья прусской пехоты усовершенствовались тем, что изнутри ствола запальное отверстие рассверливалось на конус и частицы падающего в ствол пороха, отскакивая от дна ствола, залетали через этот конус на полку. В результате сокращалась самая медленная операция – открывать полку и сыпать на нее порох, теперь солдат откусывал конец патрона и сразу сыпал весь порох в дуло. Думаю, что это совершенствование имело недостатки, возможно частые осечки, поскольку ни о чем

подобном в других армиях я не слышал. Но в данном случае важно стремление короля увеличить скорострельность своей пехоты – увеличить мощность ее огня. Можно ли после этого упрекнуть «старого Фрица» в том, что он не понимал, что именно делает тактику твоих войск сильной?

А во второй половине XIX и начале XX века в русской армии служил генерал М. Драгомиров. С 1878 по 1889 год он был начальником Академии генерального штаба, то есть учил офицеров русской армии воевать и даже написал для них «Учебник тактики». И этот учитель военного дела высшего русского офицерства был известен как ярый противник скорострельного оружия, даже приему на вооружение простой магазинной винтовки сопротивлялся. А в 1887 году при испытании пулемета генерал Драгомиров выдал сентенцию о скорострельности оружия: *«Излишняя быстрота стрельбы вовсе не нужна для того, чтобы расстреливать вдогонку человека, которого достаточно подстрелить один раз»*. Можно ли ввести в заслугу Драгомирову, что он понимал, что делает тактику сильной?

Вот и вопрос – да, военное дело доступно здравому уму, но доступно ли оно уму абсолютно всех генералов?

И если говорить не просто о тактике – о нанесении противнику максимальных потерь, – а о победе в бою, то никуда не деться и от главного принципа победы, на который все же снова придется отвлекаться.

Главный фактор боя

Итак, та противоборствующая сторона будет иметь тактическое преимущество, у которой командование организует на поле боя более мощный огонь, лучшую его эффективность и лучшую собственную защиту от огня противника. Это преимущество приведет к тому, что противник начнет нести большие потери, чем ваши войска, в конце концов противник не выдержит и либо сдастся, либо побежит, но тогда его надо преследовать, а именно при преследовании противник и понесет максимальные потери, которые его окончательно обессилят. Но означают ли большие потери противника победу в бою?

Разумеется, нет. Как и в случае войны государств, на первом месте стоит моральная сила войск, и победу может одержать и та сторона, которая понесла большие потери, но оказалась морально сильнее. Чтобы не быть голословным, следует подтвердить тезис примерами, но примеров этому в истории настолько много, что трудно подобрать подходящие. Разумеется, нам более интересны примеры отечественной истории, а поскольку я только что упомянул о короле Пруссии и герцоге Бранденбургском Фридрихе II, то в качестве первого примера приведу битву у немецкой деревни Цорндорф, произошедшую более 250 лет назад. Дам ее описание из книги Ф. Ф. Нестерова «Связь времен», книги несколько сусальной и однобокой, но написанной ярко и на важную тему преемственности поколений:

«В августе 1758 года русская армия под командованием англичанина Фермора разбила свой лагерь рядом с деревней Цорндорф. Вся артиллерия была расположена на той его стороне, что выходила на реку Митцель и откуда ждали пруссаков. Русские батареи, заблаговременно сооруженные на высоком и обрывистом берегу, надежно господствовали над поймой.

Но Фридрих и не помышлял о том, чтобы форсировать реку под огнем русских. Совершив обходной маневр и не встретив на своем пути даже русских дозоров, он спокойно развернул свою армию в боевой порядок в совершенно незащищенном тылу русского лагеря и приказал своей артиллерии и пехоте открыть беглый огонь. “Ни одно ядро не пропадет у нас даром!” – весело воскликнул он.

Русский главнокомандующий Фермор после первых же прусских залпов понял, что все пропало; дал шпоры своему боевому коню и галопом покинул поле боя, бросив на ходу, что отправляется за помощью к корпусу Румянцева. Но не так думали солдаты и офицеры. Вместо того чтобы бросать оружие, размахивать белыми платками или прыгать с обрыва, они впрягаются в орудия, разворачивают их, перевозят на новые импровизированные огневые позиции. Эти варвары, как потом объясняли происшедшее свидетели-иностранцы, не знали различия между фронтом и тылом, не понимали, что их положение безвыходно, и считали фронтом просто-напросто то место, откуда атакует неприятель. Построившиеся было полки, едва придя в движение, напирают друг на друга, смешиваются, превращаются в бесформенную и сжатую человеческую массу, где действительно ни одно прусское ядро не пропадает даром. В одном из концов лагеря солдаты натываются на маркитантский склад, разбивают бочки с водкой и в несколько минут становятся пьяными тысячами. Фридрих, наблюдающий эту сцену сквозь подзорную трубу, бросает тогда на русский лагерь своих “черных гусар”, чтобы довершить истребление противника.

Король был уверен в полной победе – впрочем, чем дальше, тем менее. “Фермор сдается... он сдался... впрочем, я еще не уверен в этом”, – посылал он депеши своему брату, герцогу Брауншвейгскому. К счастью для русских, в эти критические часы их командующий был слишком далеко, чтобы вести переговоры о капитуляции. Между тем сумятица в лагере вопреки ожиданиям Фридриха совсем не привела к панике. Никто там не думал о бег-

стве или о сдаче. Отборная прусская кавалерия была встречена плотным огнем, ружейным и пушечным. Атака следовала за атакой, но все они разбивались как волны об утес. “Сами пруссаки говорят, что им представилось такое зрелище, какого они еще не видывали, – рассказывает участник битвы при Цорндорфе, русский офицер Болотов. – Они видели везде россиян малыми и большими кучками и толпами, стоящих по расстрелянии всех патронов своих, как каменных, и обороняющихся до последней капли крови, и что им легче было их убивать, нежели обращать в бегство. Многие, будучи простреленными насквозь, не переставали держаться на ногах и до тех пор драться, покуда могли их держать на себе ноги; иные, потеряв руку и ногу, лежали уже на земле, а не переставали еще другою здоровою рукою обороняться и вредить своим неприятелям...”. Французский дворянин на прусской службе де Катт в записках “Мои разговоры с Фридрихом” свидетельствует о том же: “Русские полегли рядами; но когда их рубили саблями, они целовали ствол ружья и не выпускали его из рук”. Сам Фридрих позднее вспоминал этот день: “Они (русские) неповоротливы, но они держатся стойко, тогда как мои негодяи на левом фланге бросили меня, побежав...”.

...Русская же армия при Цорндорфе как раз совершила это “невозможное”, ибо сражалась в условиях немыслимых, не предусмотренных никакими уставами. Брошенная на произвол судьбы командующим, она все же под губительным огнем противника пытается перестроиться, что ей не удается сделать до генеральной атаки прусской кавалерии. Обычные узы дисциплины с нее в этот критический момент спадают, как спали бы, наверное, и с любой другой армии, но это не приводит к ее распаду, как это случилось со шведами при Полтаве и случится с пруссаками при Кунерсдорфе. Несмотря на то что механизм субординации оказался парализованным и приводные ремни, идущие от верховного командования к рядовому солдату, безнадежно спутались, армия осталась армией. Офицеры в сумятице выпускают из-под контроля своих солдат, но отдают распоряжения первым попавшимся, и те выполняют их. Солдаты повинуются приказам незнакомых им офицеров не потому, что боятся дисциплинарных взысканий: теперь они ничего не боятся. А потому, что чувствуют к ним доверие, нуждаются в руководстве, в организации среди хаоса, для того чтобы лучше исполнить свой долг. Но вот противник отброшен (русские потеряли убитыми и ранеными 18 тысяч, пруссаки – 10 тысяч), и каждый спешит к знамени своего полка (Википедия дает иные сведения: потери русских войск убитыми 16 тысяч и 87 орудий, прусских войск – 11 тысяч и 26 орудий. – Ю.М.). Производится вечерняя переκληчка, служит панихида – и вновь перед глазами Фридриха возникает стройная грозная боевая сила, непоколебимо стоящая на прежнем месте, как будто не было его, Фридриха, искусного маневра, не было сокрушительных залпов всей его артиллерии, не было стремительного удара его конницы и размеренно-методического натиска его пехоты. Он застал русских врасплох, он нанес им огромный урон, он сосредоточил свои силы так и ввел их в действие с такой последовательностью, которая всегда вела к победе над любым из его неприятелей. Но победы не было. Когда русские вышли из своего лагеря и направились на соединение с корпусом Румянцева, пруссаки уклонились от нового столкновения и уступили дорогу...».

Как я понял из разговора с помянутым немцем, Фридрих II записал себе и битву при Цорндорфе в «победу по очкам», что, впрочем, не спасло его от взятия русскими войсками Берлина и разорения берлинских укреплений и военной промышленности. И последовавшего разжалования «старого Фрица» из королей Пруссии в простые герцоги Бранденбургские, поскольку русские войска в ходе Семилетней войны отняли у Фридриха II собственно Пруссию и присоединили ее к России. (Через несколько лет русский император Петр III из любви к Фридриху подарил ему Пруссию обратно, чтобы по сумме подобных деяний быть свергнутым русской гвардией и скоропостижно помереть.)

И казалось бы, нужно ли после Цорндорфа удивляться, что СССР, потерпев в 1941–1942 годах от немцев целую серию разгромных поражений своей армии, в конце концов выиграл войну и снова взял Берлин, чтобы в нем заставить немцев подписать капитуляцию.

Казалось бы, уместны слова Суворова: «Мы – русские, какой восторг!». К сожалению, этот восторг сильно портят другие факты истории – те, которые и приводят иностранцев к мысли, что Россия – это колосс на глиняных ногах.

Вот, к примеру, из старины глубокой – из времен Ивана Грозного – доносит ливонский летописец Рюссов: *«Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские – работающий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость»*. Казалось бы – такая высокая оценка русской моральной силы, уж крепости-то русские не сдают! К сожалению, сдают, да еще и как!

Всего пять месяцев в 1904 году стотысячная (с резервами до 200 тысяч) японская армия осаждала русскую крепость и базу российского Тихоокеанского флота Порт-Артур. Гарнизон крепости – 50 тысяч человек, 650 орудий, полсотни пулеметов, запасов на год. Вопреки прямому приказу командования комендант крепости генерал-адъютант Стессель крепость японцам сдал, и это при том, что защитники, потеряв при штурмах до 15 тысяч человек убитыми и ранеными, уже нанесли японцам потери в 110 тысяч человек. Существует мнение, что Стессель действовал не только вопреки приказу, но и вопреки офицерам крепости, однако эта версия опровергается: не сумел бы он сдать крепость, если бы остальные офицеры были против.

А вот русская Новогеоргиевская крепость, которая считалась одной из самых сильных в Европе, – 45 километров укреплений, почти 100-тысячный гарнизон при более чем тысяче орудий. Ею гордились в России и считали неприступной, а крепость в 1915 году продержалась... десять дней. Командующий гарнизоном генерал Бобырь ускакал к немцам и уже от них распорядился капитулировать. 23 генерала и 2100 человек офицера сдались без возражений. В целости и сохранности сдали немцам и 1096 стволов тяжелых и крепостных орудий – львиную долю тяжелого вооружения всей русской армии, – а также 108 полевых пушек. Немцы этой русской артиллерией вооружили свой Эльзасо-Лотарингский фронт против тогдашних союзников России.

Конечно, можно сказать, что во всех приведенных случаях «рыба гнила с головы» – с генералов. Но ведь и в битве при Цорндорфе командующий предал и сбежал, а войска продолжали драться. Так что чисто военные методы победы в бою – это очень много, но моральная сила войск стоит все же на первом месте. Нет этой силы – и бесполезны и самые современные крепости и самое мощное оружие, то есть бесполезны и превосходящая мощь своего огня, и лучшая защищенность от огня противника.

Но вернемся к вопросу, который меня больше всего волнует: почему СССР понес такие тяжелые потери в Великой Отечественной и как их избежать в будущей войне? Вернемся к чисто военным методам победы в бою и чем в той войне эти методы у немцев отличались от аналогичных методов у Красной армии.

Победа в бою

Что это?

Вопрос, казалось бы, донельзя понятный, тем не менее в этом вопросе надо подняться до вершины, поскольку именно это тот водораздел, который отличал немецкую армию во Второй мировой войне практически ото всех армий мира. Цель боя понятна – победа, а вот в чем цель победы? Обычно это исход боя, когда противник уничтожен и занята местность, которую он раньше занимал, если речь идет о наступательном бое, или, наоборот, противнику не дали уничтожить свои войска и занять местность, которую он стремился занять, если речь идет об обороне. В эпоху архаичных войн, в случае спорности этого вопроса, вообще принято было считать, что, за кем осталось поле боя, тот и победил.

Итак, у победы два параметра – уничтожение врага и местность. Что из них главное? Трудно сказать вообще и на все случаи конкретных боев, и вот эта трудность является немечаемым камнем преткновения для многих, кто занимается военным делом или исследует его. Оба параметра главные или все же какой-то параметр имеет преимущество? Это аналогично браку между мужчиной и женщиной (при существующем в мире идиотизме я уже вынужден уточнять, что имею в виду брак именно между мужчиной и женщиной). В их женитьбе тоже два параметра – удовольствие от секса и дети. Что главнее? Оба главные? Но мы же знаем, что это когда-то брак без детей был трагедией и законной причиной развода, а сегодня такой брак чуть ли не признак большого ума и культуры супругов. Хотя если посмотреть на эти параметры, то зачем вообще жениться для секса? Для него нужно от силы отдельное помещение, а все эти брачные обязательства супругов совершенно ни к чему. И может, я и старомоден, но брак без детей – это не брак, как и победа без уничтожения противника – это не победа, хотя я понимаю, что не все разделяют мое мнение.

Я не сказал ничего нового – эта мысль стара, поскольку естественна, – прекрасный инженер и артиллерист своего времени французский маршал Вобан, построивший 33 крепости и осаждавший 53 вражеских, 400 лет назад выразил эту мысль так: *«Преступно и ошибочно делать задачей войны овладение каким-то объектом, пока не разбита армия врага»*. Мысль эта проста и понятна, но не входит в плоть и кровь военного сословия многих стран, и тем более в основу тактики боя. Мне могут возразить, что бой есть бой и занимается после боя местность или нет, это второй вопрос. Отнюдь, на самом деле для тактики это первейший вопрос.

В чем видят генералы главную цель победы – в уничтожении врага с последующим занятием местности, как видели эту цель немецкие генералы, или в занятии местности с как бы само собой разумеющимся уничтожением на ней врага, как видели цель боя советские генералы? Если только в уничтожении врага, то будет одна тактика, полностью соответствующая главным факторам тактики, а если в занятии местности, то другая, имеющая вопиюще лишний, но становящийся главным элемент.

Повторюсь, это тонкость, которую трудно заметить при формальном подходе к исследованию вопроса. В уставах и боевых документах любых армий эти две задачи присутствуют – и в немецких может упоминаться объект или местность (рубеж), которые надо захватить или удержать, и в советских, кроме местности или рубежа, может упоминаться уничтожение противника. Здесь разница на уровне мировоззрения генералов и военных теоретиков, и эту разницу не найти, если не понимать, что именно ты ищешь.

Есть два основных вида боя – наступление и оборона (встречный бой опустим). И если для генерала главным в наступлении является занятие местности – выход на рубеж, если он в этом видит цель победы, то генерал будет использовать тактику и оружие для того, чтобы занять эту местность и выйти на заданный рубеж живой силой своих войск. Посему для него

ОБЯЗАТЕЛЬНА АТАКА ЖИВОЙ СИЛОЙ на войска противника, чтобы выйти своими войсками на рубеж, ограничивающий занимаемую местность, поскольку без живой силы выйти на рубеж нельзя. Можно, конечно, обстрелять этот рубеж из всех видов оружия, но что толку, если он не будет занят живой силой? И такому генералу для такой победы нужна подавляющая масса живой силы своих войск – в полном смысле слова «большие батальоны».

Но если для генерала в наступлении занятие местности не главное, а главным является уничтожение врага, то для него атака **ЖИВОЙ СИЛОЙ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНА** даже в наступлении – враг уничтожается мощностью и эффективностью огня. Такому генералу не нужны большие массы живой силы, ему нужна мощность и эффективность огня.

Первый генерал посылает для контакта с противником солдат, второй – пули и снаряды.

Оговорюсь, ситуация может быть такой, что и второй генерал (в данном случае – немецкий) прикажет какой-то своей части взять или удержать местность, но он это будет делать с целью эффективного уничтожения врага всеми остальными вверенными ему силами, а не для отчета о победе путем захвата местности. И у русского (советского) генерала в приказе будет упоминаться уничтожение противника, но для него это всего лишь способ занять или удержать местность.

С середины XIX века занятие местности или поля боя уже можно было бы считать ошибкой русских и советских генералов, можно было бы считать атавизмом старины глубокой, оставшимся с тех времен, когда победу отдавали тому, за кем оставалось поле боя. Можно было бы, если бы не внятно видимый генеральский интерес в именно таком подходе к оценке победы в бою.

Начнем с того, что для русского генерала резко упрощается работа по подготовке войск: всего-то надо их учить бежать на врага в расчете на то, что кто-то из них все же до врага добежит. Надо солдат учить бить прикладом и колоть штыком – учить занимать местность, занятую врагом. Это становится главным.

Вот смотрите. Сохранился проект приказа от сентября 1939 года наркома обороны Ворошилова по итогам боев на Халхин-Голе. Судя по пометам на окончательном варианте, приказ долго переделывался и правился лучшими умами военной науки СССР, тем не менее Ворошилов его почему-то не подписал. И уже в первом пункте собственно приказа в этом проекте: *«В ПЕХОТЕ. 1. Самостоятельные действия бойца и младшего командира в условиях ближнего боя. ...Постоянным настойчивым обучением и тренировкой в искусстве владения штыком воспитать у бойцов и всего личного состава порыв и стремление во что бы то ни стало завершить бой уничтожением врага в умелой рукопашной схватке»*. Нет, в этом приказе есть и про огонь, и, как видите, и про уничтожение врага, но советские военные теоретики никак не видели победу в бою без штыка.

А немецким генералам было сложнее: им надо было учить солдат и офицеров скрытно приближаться к выгодной позиции для открытия огня, учить уметь подбирать такие позиции, учить метко стрелять, учить быстро сосредотачивать на противнике огонь всего имеющегося оружия, учить уметь переносить этот огонь на вновь обнаруженного противника, учить уметь заходить к противнику в тыл и бить его с наименее защищенных сторон, учить уходить из-под огня противника и многому другому.

А как в реальном бою?

И во время реального боя работа русского (советского) генерала резко упрощалась: ему надо всего-то было подписать приказ на атаку (начальник штаба подготовит). Войска пошли в атаку, а что ему делать? Не бежать же вместе с ними! Сидит такой генерал на командном пункте, пялится в карту и ждет, когда ему донесут, что войска заняли первую траншею. Тогда дает приказ резервам атаковать вторую траншею. Или ему сообщат, что своя артиллерия огонь противника не подавила и посланные в атаку войска лежат перед первой траншеей противника, ночью отползут и тогда подсчитают, сколько из них осталось в живых. Ну если

так, то тогда генералу надо послать в повторную атаку на первую траншею и оставшиеся резервы. Вот и вся работа, и главное, ничего особо и знать не надо.

Начну подтверждать этот вывод несколько издалека. Один из моих двоюродных дедов, старший лейтенант, в 1937 году служил командиром батальона связи стрелковой дивизии, у него в батальоне командиром взвода конной разведки служил старшина, отличившийся, но не отмеченный ранее ветеран Гражданской войны. А в 1937 году, в юбилей революции, награждали участников Гражданской войны и этого старшину наградили орденом Красного Знамени, мало этого, еще и присвоили ему звание «капитан». Поскольку для капитана-кавалериста должности в дивизии не было, то его направили в Харьков, в штаб округа, для получения новой должности. Здесь ему предложили должность командира кавалерийского дивизиона в кавалерийском полку. Эта должность соответствовала должности командира батальона в пехоте, то есть занимать ее мог подполковник и получить ее капитану уже было почетно и перспективно. Но новоиспеченный капитан отказался командовать дивизионом и потребовал себе должность командира кавалерийского корпуса, то есть генерал-лейтенантскую должность! Правда, потребовал, пояснив, что он неграмотен, а командир дивизиона должен командовать самостоятельно, посему старшина на этой должности командовать не сумеет. А в корпусе есть штаб, штаб приказ напишет, а бывший старшина распишется. Вот и вся работа. С такой работой неграмотный бывший старшина, безусловно, справится. Этот рассказ бывшего старшины вполне мог быть и байкой, но вот вполне серьезный рассказ из мемуаров Г. К. Жукова.

Начало рассказа таково: *«Мы с Шапошниковым, – позвонил Жукову Сталин, – считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой – из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву»*. То есть Сталин ставил командующему Западным фронтом Жукову задачу УНИЧТОЖИТЬ ПРОТИВНИКА. Но Жуков ему отвечает:

«– Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны». Как видите, Жуков отвечает, что у него нет сил УДЕРЖАТЬ МЕСТНОСТЬ. Сталин поясняет:

«– В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии».

– Этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками».

– Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

– Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта».

Но Сталин настоял на исполнении своего замысла, а вот далее Жуков пишет:

«Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы и доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел». Все, никаких иных своих телодвижений по командованию этой провалившейся операцией вверенного ему фронта Жуков не вспомнил.

Так почему помянутый выше старшина, так самокритично оценивший свою неспособность командовать дивизионом, не мог бы командовать Западным фронтом? Расписываться он умел, правая рука у него не отсохла, так что приказ, сочиненный начальником штаба

Жукова генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским, старшина мог бы подписать без проблем. Конечно, может, у этого старшины потом бы хватило совести не обвинять в провале этой операции Генштаб и Сталина, но со всем тем, что описал Жуков, старшина бы справился. Кстати, дед встретил его после войны уже майором, и старшина, помимо приведенного рассказа, сообщил, что всю войну провел в Монголии, принимая от Монголии лошадей, в которых бывший старшина-кавалерист, безусловно, разбирался. И, на мой взгляд, если бы Жуков служил у этого бывшего старшины помощником, то, возможно, это и не улучшило бы качество конского состава, получаемого из Монголии, но интеллектуальный уровень командования Красной армии повысился бы безусловно.

Но продолжим.

Местность есть местность – она никуда за время исполнения приказа, данного генералом, не девается. А вот противник может за это время подтянуть резервы или, наоборот, отойти, или тебе ударить во фланг – противник непрерывно изменчив, и за ним надо постоянно следить, и менять свой приказ, и давать дополнительные распоряжения согласно изменяющейся обстановке. И поэтому немецкому генералу было сложнее: ему нужно было непрерывно наблюдать за боем, все время перенаправлять войска, переносить огонь, искать слабые места в обороне противника, вызывать в помощь иные рода войск – непрерывно думать и решать, как нанести противнику максимальные потери. Ему надо было знать боевые свойства и способности каждого своего подразделения, свойства и способности каждого вида оружия, каждого рода войск, знать, где и как каждое оружие и род войск будут особенно эффективны, уметь организовать защиту вверенных ему войск от огня противника. Согласитесь, руководить уничтожением противника огнем гораздо сложнее, чем просто послать войска в атаку.

Зато насчет отчетов о победах и испрашивания наград русскому генералу было гораздо проще. К примеру, взял деревню – уже герой! И не надо отчитываться, сколько же ты уничтожил солдат противника в расчете на тех своих солдат, которых положил под этой деревней. Главное – победил! А у нас народ такой, простой – ему главное победа, он за ценой не постоит! Или противник сам покинул город, а наш генерал ввел в него войска. В результате – салют в Москве, благодарность Верховного Главнокомандующего, орден на грудь – герой, город взял!

А немецкому что толку от взятия такого города: противника-то он не уничтожил! Согласитесь, войти в оставленный противником город и уничтожить противника – это разные вещи. Это разные победы.

Советская атака

Почему я акцентирую внимание на том, что вижу генеральский интерес в объявлении победой занятия местности? Потому что советский генералитет еще до войны прекрасно знал, что у немцев тактика иная и имеет целью исключительно уничтожение врага ОГНЕМ, а не атакой с рукопашным боем. Знал, тем не менее никаких мер к совершенствованию тактики РККА не принимал, и тактику Красной армии советский генералитет строил и строил только на занятии местности и, как следствие такого подхода к бою, на штыковой атаке живой силой. Вот такой пример.

В декабре 1940 года прошло Совещание высшего руководящего состава РККА, доклад о тактике боя стрелковой дивизии в наступлении и обороне делал генерал-инспектор пехоты (шеф пехоты Красной армии, ответственный за разработку ее тактики) генерал-лейтенант А. К. Смирнов. (С началом войны командовал 18-й армией, при попытке прорваться из окружения погиб в октябре 1941 года.)

«Докладывая о наступательном бое стрелковой дивизии, я беру только один вопрос – прорыв, так как это считается и по нашим, и по иностранным уставам наиболее трудной частью наступательного боя. Генерал армии Жуков в своем докладе указал нормы плотности насыщения ударной дивизии артиллерийскими и танковыми средствами. У меня нет никаких расхождений от этих норм». А вот теперь обратите внимание не на числа, а на принцип расчета количества норм артиллерии и времени ее работы по этим нормам: «Боевой устав артиллерии 1937 г., исходя из огневой производительности одного артиллерийского дивизиона на участке 5 гектар, примерно определяет так: что противник, занимающий оборону на фронте 2 км (по фронту и в глубину), если сосчитать все его средства – противотанковые, пулеметные, живую силу, занимающие 70–80 гектар, – потребует на 35 гектар 7–8 дивизионов на один километр фронта при часовой [артиллерийской] подготовке; для подавления [его] артиллерии и резервов [потребуется] не менее 20 орудий на 1 км фронта». Вы видите, как ясно ставится задача артиллерии советскими генералами: не уничтожение противника, а артиллерийская обработка гектаров той местности, которую предстоит занять пехоте. Вы скажете, что ведь после такой артиллерийской подготовки противник на этих гектарах будет уничтожен. Как вы увидите ниже, по представлениям советских генералов, кстати трезво смотрящих на такую артподготовку, будет уничтожено 30 % огневых средств противника, остальные 70 % встретят атаку пехоты свои огнем.

Разумеется, ни о каком уничтожении противника как цели тактики советской пехоты в докладе и речи не было – только захват местности атакой: *«Оценивая важность тех или других объектов, батальон ставит ротам задачу прямым направлением ворваться в оборонительную полосу, не обращая внимания [на то], что у него там осталось в тылу, что у него осталось на фланге. Первому батальону на таком широком фронте ставится задача – ворваться и овладеть какими-то пунктами в обороне». При такой тактике какое-либо творческое участие в бою командира полка – маневр с целью создания превосходства в мощности огня на слабозащищенном участке или маневр увода своих войск от огня противника – начисто исключалось: «В такой насыщенной огнем глубине, как эта, маневр батальоном, ротой исключен. Здесь маневр может осуществляться только взводами и отделениями. Командир полка в зависимости от обстановки может только усиливать тот или другой участок батальонами. Основное назначение батальонов – ворваться». То есть уже у командира полка задача была упрощена до минимума – послать батальоны в атаку и ждать. Если атака неудачна и батальон не ворвался на местность, то послать в атаку оставшиеся батальоны.*

Однако на Совещании предшествовавшие Смирнову докладчики и выступающие критиковали, в частности, и уставную тактику советской пехоты. В частности, за то, что из стрелковой дивизии в 17 тысяч человек послать в атаку можно только 640 бойцов, в результате плотность атакующих пехотных цепей очень мала. Смирнов опроверг эту критику: *«Я написал: фронт наступления взвода до 150 м. Надо сказать, что к этому выводу мы пришли общими силами на занятиях, которыми руководил Маршал Советского Союза т. Буденный. И что получается? Как только мы ставили бойцов на фронте [с интервалами] 2, 3, 5 метров и заставляли их подняться в атаку, то исчезали всякие разговоры о том, что при атаке нет плотности, нет пехоты. Пехота, поднявшись на фронте 150 м, имея интервалы до трех метров, представляет из себя внушительную силу».*

И вот об этих интервалах в три метра между атакующими пехотинцами заговорил выступивший в прениях по докладу Смирнова генерал-майор С. С. Бирюзов, на тот момент командир 132-й стрелковой дивизии. Он обрисовал проблему с совершенно иной стороны: *«О боевом порядке наступления. Наша штатная дивизия имеет 81 стрелковый взвод. При организации боевого порядка в наступлении получается, что мы рвем главную полосу обороны в лучшем случае 24 стрелковыми взводами, а все остальные примерно 67 взводов эшелонированы в глубине. Создается наращенный удар. Это хорошо, но давайте посмотрим огневые средства. Станковые пулеметы не стреляют, и мы себя обманываем, когда говорим, что наши пулеметы стреляют. Роты при наступлении обычно идут примкнутыми флангами, и станковые пулеметы стрелять не могут: ни в интервалы между ротами, ни в интервалы между взводами. Все закрыто пехотой и свободного пространства для ведения пулеметного огня нет. Станковые пулеметы не стреляют, и огневая сила удара получается только в лице 24 стрелковых взводов. К нашему сожалению, мы не научились еще стрелять через голову, поэтому я и утверждаю, что огневая сила выражается только в 24 стрелковых взводах. И это, мне кажется, требует некоторой перестройки боевого порядка».*

То есть по довоенному боевому уставу РККА, защищаемому Смирновым, плотность атакующей советской пехоты должна была быть такова, что даже такие огневые средства стрелкового полка, как станковые пулеметы, не в состоянии были вести огонь по тому противнику, которого атаковали пехотинцы! А артиллерия в момент атаки молчала, чтобы не задеть своих! Посему вести по противнику огонь имели возможность только сами атакующие пехотинцы из винтовок на ходу. И что же предлагал один из будущих начальников Генштаба Советской Армии?

«Рота наступает 2 эшелонами, и второй эшелон движется на расстоянии 250 м в глубине за первой линией взводов и огня дать не может, в то же время сам находится под действительным оружейным и пулеметным огнем (противника. – Ю. М.). Поэтому роте наступать в 2 эшелонах нецелесообразно. Эту роту нужно заставить наступать в одном эшелоне, чтобы третьи взводы могли принять участие в огневом бое в период наступления. Это несколько увеличивает огневую силу, и тогда будет не 24 взвода, а уже 32 взвода, и огневая мощь нарастает», – соблазнял Бирюзов начальство своим предложением.

То есть Бирюзов предложил еще больше уплотнить атакующие цепи солдатами, чтобы увеличить в них количество стреляющих на ходу винтовок. А пулеметы? А пулеметы по-прежнему оставлял в бездействии.

И это несмотря на то, что перед выступлением Бирюзова выступивший генерал-майор П. Г. Егоров (в августе 1941 года без вести пропавший начальник штаба 28-й армии) напомнил: *«У немцев неслучайно записано в Полевом уставе: “Наступление – это есть продвижение огня вперед”».*

Оцените сначала советских генералов, ведь они, оказывается, и до войны знали, что немцы изменили и усовершенствовали тактику боя! Но все равно держались за свою – за штыковую!

Оцените немецких генералов: не атака, не продвижение пехоты или танков вперед, – а ПРОДВИЖЕНИЕ ОГНЯ! Не люди, а огонь у немцев атаковал!

Немецкая атака

Так что, немцы своей пехотой не атаковали? Атаковали, да только под атакой у них имелся в виду не бег с винтовками наперевес с целью добежать и заколоть противника штыком, а нечто другое (о чем чуть позже), а такие атаки, как планировали генералы РККА, у них остались в истории Первой мировой войны.

Для начала предлагаю просто вспомнить все документальные фильмы и фотографии Второй мировой. Советские «документальные» фильмы и фото, думаю, в 95 % случаев снимались в тылу на учениях, но это в данном случае не имеет значения. Как выглядит наступление советских войск? Едут танки в атаку, а за ними цепями или толпой бежит советская пехота на стреляющего по ней противника. Или эта пехота бежит на противника в атаку самостоятельно. Но сейчас очень много фотографий и кинокадров немецкой кинохроники, так вот, есть ли в ней подобные кадры наступления немецких войск? Начисто отсутствуют!

Интересно, но даже взгляд на пехотинца показывал разницу в тактике. В России и в СССР пехотинец всегда носил название «рядовой» – тот, кто идет в атаку в ряду других своих товарищей. То есть то, что он в строю, с позиции российских и советских генералов, и есть в нем самое главное и ценное. А у немцев это был «шютце» – стрелок. То есть, с позиции немецкой армии, самое ценное в пехотинце было то, что он стреляет. Немцы учили своих пехотинцев очень многому, но только не учили штыковому бою: умеющим стрелять это было без надобности.

Немного об этом. У нас теоретики военного дела из суворовского лозунга «Пуля – дура, штык – молодец!» сделали фетиш, превратив этим и Суворова в кретина. Во-первых, во времена Суворова штык еще был реальным оружием, во-вторых, и Суворов настойчиво требовал от солдат учиться стрелять, даже уговаривал, уверяя, что свинец дешевле и солдат в мирное время не принесет больших расходов на учебные стрельбы. Кроме этого, Суворов учил солдат точно стрелять и предупреждал, что хотя он и рассчитывает на бой по 100 патронов на солдата, но будет пороть того, кто эти патроны все расстреляет, поскольку такое количество патронов в реальном бою расстреливается только при неприцельной стрельбе.

Да, конечно, это неплохо, если солдат умеет действовать и штыком, но при скорострельности оружия XX века кто же его подпустит на расстояние удара штыком?

И у меня продолжает оставаться уверенность, что дело было, собственно, не в штыке, а в том, что штык был как бы смыслом и оправданием тактики атак живой силой на оборону противника. Тактике, резко упрощающей службу офицеров и генералов, тактике, не требующей от них обширных знаний и сводящей их работу к примитивным командам на уровне XVIII века.

Но вернемся к тому, что именно немцы считали атакой и наступлением.

Разведуправление 16-й немецкой армии в сентябре 1941 года перевело статью «Особенности наступательных действий немецкой пехоты в маневренной войне» из тома 1 «Запад» советского справочника о Вооруженных Силах приграничных государств. Книга была захвачена в полосе немецкого 39-го армейского корпуса. Давайте эту статью прочтем, опустив идеологическое вступление:

«Опыт войны, которую Германия ведет в Европе и Африке, позволяет сделать некоторые выводы об особенностях наступательной тактики, в целом близкие к истине. До сих пор немецко-фашистские войска имели дело с противником, который не мог им противостоять.

Боевые действия с польскими, французскими, а особенно с югославскими и греческими войсками, привели к падению в Вермахте боевой дисциплины, невниманию к элементар-

ным требованиям к маскировке и самоокапыванию. Самоуверенность же, как следствие “побед”, имеет следствие невнимательность к происходящему на поле боя.

Факты свидетельствуют, что “победы” Вермахта достигнуты отнюдь не упорством пехоты при преодолении зоны заграждений или при прорыве укрепленных позиций того ли иного противника. Эти “победы” достигнуты в основном за счет преждевременного покидания укреплений защитниками вследствие массированного (в сравнении с отдельно взятыми польской, французской, югославской или греческой армией) применения артиллерии и авиации».

Отметим, что издевательским окавычиванием слова «победы» советские военные теоретики, написавшие эту статью, массированное действие немецкой артиллерии и авиации по противнику – главный принцип победы в бою – занесли в слабость немецкой пехоты, массированный огонь по противнику – в недостаток тактики!

«Немецкая пехота редко переходит в штыковые атаки. Во многих случаях она стремится избежать действий такого рода. В случае сильного сопротивления противника, немецкая пехота, как правило, избегает атаковать такие позиции. В каждом таком случае командир любого немецкого подразделения или части (взвод, рота, батальон или полк) ищет решение в маневре. Нащупывание флангов и их обход являются обычной тактикой немецких командиров.

Позиция, которая стойко защищается, подвергается артиллерийскому обстрелу, бомбардировке и, в соответствии с обстановкой, ложным танковым атакам. В это же время пехота (подразделения и части), оставив минимальные силы для сковывания противника, основными силами и средствами усиления совершают маневр, имеющий целью удар во фланг противника».

Отметим описанную сложность работы немецкого офицера. Вместо того чтобы с криком «За Рейх, за Фюрера!» послать солдат в штыковую атаку, офицеру надо изучить местность и разведданные, самому уметь помянуть и направление атаки, и боевое построение вверенных ему войск, в случае если противник оказывает более сильное сопротивление, чем предполагалось. Немецкому офицеру нужно организовать связь со всеми родами войск, знать, как и когда их нужно применить, уметь выдать целеуказание для артиллерии и авиации, уметь маневрировать своими подразделениями на поле боя.

«Опыт показывает, что такая немецкая тактика будет применяться и в будущем.

При тщательном наблюдении за полем боя такой маневр будет обнаружен и использован против немцев.

Если мы прочитаем вводную статью ПУ-36, то увидим, что она говорит: обходящий или окружающий противник сам подвергается опасности быть окруженным. Поэтому нужно стремиться противопоставить маневру противника свой контрманевр. Оставив на фронте взвода, роты или батальона такое количество огневых средств, которое минимально необходимо, главные силы атакуют во фланг обходящего противника.

Это действенный метод в борьбе с таким противником, как немецко-фашистские войска», – советский теоретик не упустил случай сказать умную банальность, особенно дико смотрящуюся на фоне трагедии Красной армии в начале войны.

«Особенно следует упомянуть быстрый маневр в наступлении моторизованной артиллерии как отдельных орудий, так и целых батарей. Бой, который ведут немцы, отличается грохотом, создаваемым огнем артиллерии, пулеметов, воем самолетов. Огненные струи огнеметов, клубы черного дыма создают впечатление все сметающей на своем пути атаки.

Несомненно, все это направлено на подрыв боевого духа противника. Мораль, воля к сопротивлению должны быть подавлены. Трусы и паникеры морально раздавлены.

Эта видимость явного превосходства создается в первую очередь огнем артиллерии (противотанковые пушки и зенитки), а также танками».

Почему «видимость»? Когда на тебя летят снаряды всех видов оружия, имевшегося у немцев, когда на тебя едут танки, которым ты не можешь своим оружием нанести никакого ущерба, это что – «видимость»?

«При занятии пехотой исходных позиций моторизованная артиллерия ведет огонь из орудий всех калибров по всем объектам на переднем крае. Поддержка пехоты осуществляется совместно с танками, зачастую огнем прямой наводкой, без организации надежной связи и корректировки, которая организуется только в случае расширения масштабов боя.

Путем массированного применения орудий всех калибров, включая 150-мм пушки, немцы стремятся уверить противника в численном превосходстве наступающих сил и подошедшей артиллерии.

Столь быстрое сосредоточение артиллерии, характерное для встречных сражений, немцы стараются использовать при наступлении в каждом случае.

Другой особенностью наступательных боев является применение короткой артиллерийской подготовки, в период которой пехота стремится сблизиться с противником. В ходе войны с Польшей, Францией, Югославией и Грецией такой метод повсеместно использовался при атаке полевых укрепленных позиций, а в исключительных случаях – при наступлении на долговременные укрепленные рубежи.

В качестве примера приведем типовую атаку немецкой роты.

Стрелковая рота занимает исходные позиции от 800 до 900 метров, в зависимости от условий местности, после чего получает направление атаки (иногда – полосу наступления). Обычный боевой порядок: два взвода в первой линии, один взвод в резерве. В таком боевом порядке рота, сочетая огонь и маневр, движется со скоростью 600–800 метров в час в район сосредоточения».

Итак, немецкая пехота выдвигалась к рубежу (с которого советская пехота обычно поднимается в штыковую атаку), маневрируя от укрытия к укрытию и уже на этой дистанции ведя по противнику огонь из собственного тяжелого оружия. Но поскольку собственный огонь немцев должен был быть точным, то требовалось и время на обнаружение цели, установки оружия (пулемета, миномета, пехотных или противотанковых орудий), пристрелки и уничтожения целей. В результате, как видите, выдвигание к рубежу собственно атаки шло со скоростью всего 600–800 метров в час (пехота в походной колонне ходит с темпом 110 шагов в минуту, то есть около 5 километров в час). Немцы, как видите, не спешили получить от обороняющегося противника пулю, они сначала делали все, чтобы его самого уничтожить издалека.

«С началом атаки (батальона, полка) артиллерия в течение 15 минут обстреливает передний край противника».

Заметим, не час, как в погектарных расчетах советских генералов, а всего 15 минут.

«Рота, как правило, усиливается пулеметным взводом, а также взводом пехотных орудий (минометов). Последние применяются от начала атаки до штурма, при необходимости меняя позиции. Здесь речь не идет о прорыве долговременных укреплений, так как немцы в этих случаях создают штурмовые группы, состоящие из инженерных, пехотных и артиллерийских подразделений. Артиллерийская подготовка в данном случае проводится по особому плану. После 15-минутной артиллерийской подготовки огонь переносится на

фланги прорыва и на тыловые объекты. Одновременно передний край бомбардируется авиацией и подвергается обстрелу пехотными орудиями и минометами».

От обороняющегося противника, по идее, уже не должно ничего остаться. И только после этого пехота начинает то, что у немцев называется штурмом.

«Атака продолжается перекатами по 15–20 метров». То есть и тут немцы не бежали на окопы врага, выставив вперед штыки, а передвигались в направлении противника от укрытия к укрытию, вернее от одной позиции для ведения огня к следующей. И с этих позиций винтовками и ручными пулеметами непрерывно вели по противнику прицельный огонь, не давая тому высунуться из окопа для стрельбы по наступающим. И приближались так к позициям противника, до тех пор пока дистанция не сокращалась до броска ручной гранаты, которыми и добивали противника в его укрытии, если противник не сдавался.

«Если исходные позиции достигнуты, то рота открывает огонь по переднему краю противника из всех наличных огневых средств. В этот момент, как правило, применяются огнеметы и ручные гранаты. Орудия ПТО получают особые задачи, а именно обстрел смотровых щелей и амбразур укреплений, а также выявленных огневых позиций. Задача орудий сопровождения и штурмовых орудий – подавить пулеметные гнезда и минометы».

Вот чем была атака по-немецки.

Положение требовало от авторов советского Справочника дать и рекомендации, что же делать Красной армии в войне с немцами? Нет, авторы не предлагали перенять у немцев их тактику. Они пишут:

«Прежде чем рота перейдет в атаку, для обороняющихся наступает решающий момент. К этому моменту нужно тщательно готовиться, нужно обрушить на противника всю мощь огневой системы. Маневр огневыми средствами, использование кочующих орудий и кинжальных пулеметов (таких пулеметов, которые неожиданно открывают огонь в упор), могут переломить ситуацию в пользу обороняющихся.

Опыт показывает, что немецкая пехота под огнем пулеметов и минометов залегает и ждет поддержки артиллерии сопровождения. Этот благоприятный момент нужно использовать. После массированного применения огнеметов, минометов и ручных гранат следует перейти в неожиданную штыковую атаку во фланг атакующему противнику силами отделения, взвода или роты, атакуя отдельные группы противника, особенно в момент, когда артиллерия не обстреливает передний край. Это позволит уменьшить собственные потери.

Часто случается, что короткая штыковая атака, проведенная решительно, перерастает во всеобщее контрнаступление».

Пока немцы находятся на открытом пространстве, приближаясь к обороняющимся подразделениям противника, они очень уязвимы для огня всех видов артиллерии. Общий разговор о мощи «системы огня» есть, но когда доходит до уточнения, что же это за «система огня», то уточняется, что это огонь кочующих (отдельных и постоянно меняющих позиции) орудий и неизвестно как выдвинутых в упор к приближающимся немцам пулеметов. Нет требований разработать систему заградительного и сосредоточенного огня артиллерии, нет даже требований просто обработать артиллерией гектары. Где совет вызвать по атакующим и находящимся на открытом пространстве немцам огонь полковой, дивизионной и корпусной артиллерии? Ведь она была! Но нет, как видите, такой совет для советских генералов был за пределами по своей военной сложности, и любимая штыковая атака хотя бы отделением – вот их ответ! Не огонь, а штык – вот главное, что отразит немецкую атаку!

Несколько замечаний по немецкой тактике. Если в нее вдуматься, то у немцев исчезла разница между наступлением и обороной – в обоих случаях это было уничтожение противника огнем. Единственно, в обороне сам противник к тебе приближается, и огонь немцев продвигается из глубины расположения войск противника к позициям своих войск, а в

наступлении немцам нужно было самим приближаться к позициям противника, и по мере его отступления огонь продвигался в глубину его расположения.

Мы видим, что по обороняющемуся противнику огонь ведут одновременно все виды оружия пехотной дивизии немцев – даже зенитные пушки. И есть у противника танки или нет, но противотанковая артиллерия находится тут же – в цепях наступающих стрелков – и вместе с ними ведет огонь по противнику. То есть тактика немцев полностью соответствовала принципам победной тактики – массированный эффективный огонь при максимально возможной защищенности пехотинца от огня противника.

Я не рассматривал встречный бой – ситуацию, когда колонны противников неожиданно натываются друг на друга. Тут преимущество получает тот, кто сумеет первым развернуться из колонны в боевую линию. Тогда он первым начнет бить по противнику не только головной частью своей колонны, но всеми своими силами. Таким образом, если речь идет о роте, наткнувшейся на противника, то команда командира роты во встречном бою: «Первый взвод – в цепь! Второй – направо, третий – налево!». Разумеется, это и команда немецкого командира роты, но вторая. Первая команда: «Пулеметы и тяжелое оружие – вперед!». Немцы и в этом случае считали, что прежде всего нужно организовать массированный огонь по противнику!

У русских и советских генералов для штыка всегда было психологическое обоснование. Они уверяли, что солдат, внутренне подготовившийся убить противника штыком, становится храбрым. Такая вот теория штыка. Но тут ведь есть такой аспект.

Кем видели себя советский и немецкий мужчины, призванные в армию? Немец видел себя охотником на очень опасного зверя, которого он будет добывать точным выстрелом либо из засады (в обороне), либо приблизившись к нему скрадыванием (в наступлении). Да, разумеется, зверь и сам может тебя убить – *a la guerre comme a la guerre* – на войне, как на войне. Но что делает охотник, чтобы уменьшить риск охоты? Совершенствует мастерство. Следовательно, если немецкий призывник добросовестно изучит военное дело – научится метко стрелять, маскироваться, будет четко исполнять приказы офицеров, – то риск его гибели в бою снижается, причем солдат сам видит, что его жизнь зависит от него самого – от его мастерства. У немецкого солдата появляется стимул к изучению военного дела во всех его тонкостях и стимул к дисциплине.

А кем видел себя в пехоте советский мужчина? Советский мужчина видел себя приговоренным к расстрелу из неподавленного артиллерией вражеского пулемета в момент, когда он с винтовкой наперевес будет к нему бежать, чтобы заколоть пулеметчика штыком. Ну, положим, будет советский солдат изучать военное дело, скажем, учиться метко стрелять, но как это ему в эдакой атаке пригодится? Учи не учи, а бежать придется во весь рост, и каждый шаг в таком беге может стать последним. Как это придает храбрости? Обращением к авось – любимому богу русских: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой!»?

И в этой разнице взглядов тоже была основа моральной силы немецких войск. Ведь и англичане учили пехоту действовать штыком и ходить в штыковые атаки, но никакой моральной силы этот штык английскому солдату не придал – в начальный период Второй мировой войны даже перед меньшими силами немцев англичане устоять не могли.

И наши и немецкие генералы под разработанную ими тактику заказывали оружие и организовывали боевые подразделения, части и соединения. Давайте рассмотрим разницу в этом вооружении и организации.

Немцы: все в бой!

Для уничтожения противника в бою немцам нужны были те, кто уничтожает, и чем больше в бою было таких, тем массирование был огонь и тем быстрее достигалась победа в бою. Исходя из этого принципа, понятно, что немцы не только привлекали к бою все рода войск, но и сразу же бросали в бой все имеющиеся у них силы.

К примеру, на 22 июня 1941 года во 2-й танковой группе Гудериана из 12 дивизий и одного полка в первом эшелоне было 11 дивизий, 10-я танковая дивизия и полк «Великая Германия» – в резерве.

На 1 августа 1941 года при наступлении на Рославль из 10 имевшихся у Гудериана дивизий 9 наступали в первом эшелоне и 78-я пехотная – во втором.

На 18 ноября 1941 года при наступлении на Тулу из 12,5 дивизий Гудериана в первом эшелоне наступало 11,5 дивизий, а 25-я мотопехотная, которая в это время ликвидировала в тылу у немцев окруженную группировку наших войск, считалась у него в резерве.

Для немцев построение наших войск эшелонами (о чем чуть позже) было настолько диким, что они почти все в воспоминаниях отмечали эту особенность блестящей советской военной теории – вводить войска в бой по частям, давая противнику возможность перебить их по отдельности.

Повторю, немецкие генералы исповедовали совершенно другой принцип – быстрого массированного удара. Не только вся пехота, а вообще все рода войск должны участвовать в бою. Если бой идет, то никто не должен отсиживаться, даже если по его боевой профессии вроде и нет сейчас работы. Скажем, саперный взвод пехотного батальона создавался, только если не было боя, а в бою его солдаты были в стрелковых цепях, вернее, это стрелков дополнительно обучали саперному делу. У командира пехотной роты по штату было четыре курьера (связных). Поскольку они не все сразу бегают с приказами, то, чтобы не сидели во время боя без дела, им дали снайперскую винтовку.

Наши саперы были истребителями танков по нужде. А у немцев истребление танков было одной из боевых задач полковых саперов, саперы были обязательны в группах истребителей танков – затачивали на шнурах противотанковые мины под гусеницы движущегося танка, ослепляли танк дымовыми гранатами и шашками, подрывали поврежденный танк, если экипаж не сдавался. А дивизионный саперный батальон немцев, за исключением минометов, был вооружен точно так же, как и пехотные батальоны, кроме этого, он имел 9 огнеметов, так как обязан был штурмовать долговременные укрепления противника.

Еще пример. Предположим, идет бой, а у противника нет танков. Получается, что противотанковой артиллерии нечего делать. Нет, это не по-немецки. У Гудериана в воспоминаниях есть момент, когда он в бою в поисках своих частей подъехал к деревне, занятой нашими войсками, а деревню атаковала всего лишь *«одна 37-мм противотанковая пушка»*. Это сразу не понять: как артиллеристы без пехоты могли атаковать? Но дело в том, что во всех противотанковых подразделениях немецкой пехотной дивизии были и стрелки. К каждой пушке придавались по 3 стрелка с ручным пулеметом. Вместе с 6 вооруженными винтовками артиллеристами они составляли что-то вроде пехотного отделения, усиленного пушкой. Поэтому артиллеристы наряду со стрелками и оборонялись, и атаковали, а когда у противника появлялись танки, то они занимались своими прямыми обязанностями.

По штатной численности в начале войны наш полк даже превосходил немецкий, но когда начинался бой, то в немецком полку и дивизии оружием действовало одновременно гораздо больше бойцов, чем в наших, даже если бы наша тактика и не предусматривала эшелонирования.

Теперь об эшелонировании войск Красной армии в наступлении, но начну вообще с принципов организации боя, властвовавших в Красной армии, и с авторов этих принципов.

Таран войсковых масс им. Тухачевского

Организатором Красной армии считается профессиональный революционер-марксист Л. Троцкий, он был наркомом (министром) большевистского правительства по военным и морским делам в момент организации Красной армии и Гражданской войны, он же привлек на службу большевикам огромное количество царских генералов и офицеров. Оставив без обсуждения политические взгляды, военные таланты и организационные способности Троцкого, отдам должное его способностям к тому, что сегодня называется «пиаром», причем как себя, так и своих сторонников, которые его за это особенно ценили. Достаточно сказать, что когда в 1927 году на общепартийном референдуме рядовые большевики выбирали между ЦК и находившимся к ЦК в оппозиции Троцким, самое большое число его сторонников оказалось в армии, особенно в штабах и учебных заведениях – в среде военных теоретиков.

До момента, пока Троцкий не начал терпеть очевидное политическое поражение, его сподвижником был чрезвычайно амбициозный молодой бывший царский офицер М. Тухачевский, которого Троцкий за преданность во время Гражданской войны очень быстро сделал командующим фронтом. На этой должности Тухачевский показал весь свой полководческий маразм в войне с Польшей в 1920 году, после разгромного поражения в которой фронта под командованием Тухачевского за Польшей остались обширные области с белорусским и украинским населением. Однако пиар сделал свое дело – Тухачевского даже после этого его поражения многочисленные троцкисты в Красной армии рекламировали как величайшего стратега, полководца и военного таланта. И делали это даже после того, как самого Троцкого выслали за границу, а Тухачевский от Троцкого вовремя отсекся.

Поэтому собственно военные взгляды Тухачевского представляют определенный интерес, тем более что он в 1935 году стал одним из пяти первых маршалов СССР и очень плодовитым в плане военных трудов и теорий. Несмотря на то что в 1937 году Тухачевский был за предательство осужден к расстрелу военным трибуналом, состоявшим из остальных маршалов и ряда генералов, в своих мемуарах Г. Жуков говорит о военном гении Тухачевского в превосходной степени, а уже помянутый маршал Бирюзов даже написал предисловие к двухтомнику военных трудов Тухачевского, вышедшему из печати во времена Хрущева: *«Перу Тухачевского принадлежит более 120 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства, тактики, воспитания и обучения войск... он высказал ряд весьма важных теоретических положений»*.

Давайте оценим эти важные теоретические положения Тухачевского, так поразившие Жукова с Бирюзовым, да и не только их.

В 1923 году Тухачевский прочел лекции на тему советско-польской войны в академии РККА и издал эти лекции в том же году отдельной брошюрой под названием «Поход на Вислу». Брошюра своим наглым враньем вызвала возмущение среди участников советско-польской войны в СССР и, разумеется, большой интерес в Польше. Польские издатели попросили польского маршала Ю. Пилсудского прокомментировать эту работу Тухачевского, и Пилсудский в 1924 году написал свой развернутый комментарий, который назвал просто «1920 год». И хотя Пилсудский и написал в ответ на лекции Тухачевского по объему в 4 раза большую работу, поиздевавшись над военным гением Тухачевского «не по-детски», но Пилсудский извиняется перед читателями, что не способен разобрать всю «фальшь» Тухачевского, так как тогда книга возрастет до неприемлемых объемов: *«Когда читаешь этот роман, который происходит в воображении г-на Тухачевского, – поясняет Пилсудский, – ...бросаешь книгу с известным неприятным чувством. Зачем столько кривлянья в большой исторической работе войны?»*.

Что тут нужно понять. Было в истории три великих полководца: Наполеон, Фридрих II и Тухачевский. Наполеон изобрел атаку в колоннах, Фридрих II изобрел косую атаку, пришло время и Тухачевскому удивить военный и научный мир. И он изобрел *«таранный удар пехотными массами»*.

Тухачевский поясняет слушателям военной академии, что это такое:

«Польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно. Каждая дивизия их старалась выделить резерв, и армии, в свою очередь, делали то же самое. Таким образом, равномерно расположенные войска по фронту более или менее равномерно эшелонировались и в глубину. Эта кажущаяся устойчивость польского расположения несла в самом существе своем и опасное положение, а именно то, что никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов.

Эти ошибки польского расположения были нами учтены, и при организации наступления расчеты строились на том, чтобы сильным ударом превосходящих наших войск сразу же уничтожилась бы передовая польская линия. Для того чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска в дело сразу, не оставляя никаких резервов. Наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны, и резервы последовательно подвергались участи своей передовой линии».

Давайте осознаем эту новинку. В прорыве фронта нет ничего нового, без этого не обойтись. Но дальше вместо банальных окружений Тухачевский предлагал двигать войска массой. Противник же должен был бросать под эту таранную массу свои слабые резервы, а масса бы их давила. И так бы давила, давила, давила, пока не была бы захвачена вся территория, в данном случае Польши, и наступила бы победа. При этом, как видите, не имело смысла особенно выбирать операционное направление и краткий путь к цели. Чем более длинным путем будет двигаться таранная масса, тем больше противник бросит под нее слабых резервов и тем большие потери понесет. Какая тонкая мысль! Какой гениальный замысел!

Но и на солнце бывают пятна, и в этом изобретении Тухачевского было одно маленькое, но непременно условие – нужно было где-то отыскать такого противника, который бы согласился бросать слабые резервы под таранную массу им. Тухачевского, а не окружить ее, перерезав пути снабжения. Сам польских кровей, Тухачевский решил, что таким противником как раз и являются поляки.

При подготовке первого наступления Западного фронта РККА под командованием Тухачевского на польские войска в мае 1920 года Главнокомандующий Красной армией, бывший царский полковник С. Каменев, предлагал Тухачевскому нанести по полякам сильный удар с целью окружения их войск совместно с Юго-Западным фронтом. И в принципе, такой таранный удар Тухачевский мог нанести вдоль северного края Припятских болот, как и предлагал Главком. Но тогда, надо думать, было бы непонятно, чей гениальный замысел привел к победе – Главкома или Тухачевского? Да и в случае окружения поляков, было бы непонятно, за счет чего их победили – за счет окружения или за счет таранной пехотной массы? И 14 мая 1920 года Тухачевский наносит свой таранный удар в самом северном углу своего фронта – как можно дальше от места, предложенного Главкомом.

«15-я армия (командарм Корк, наштабм Кук), – пишет Тухачевский, – как таран, обрушилась на слабые части Литовско-Белорусской дивизии, занимавшей примерно течение

реки Улла. Части этой дивизии были разгромлены и рассеяны в первый же день» и т. д. и т. п. Все было хорошо. Есть основания даже поучить красных командиров, и Тухачевский не упускает эту возможность: «Поэтому, если основная таранная группировка стоит на правильном направлении, правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной заветной мечтой. У наступающего победителя всякое активное проявление со стороны противника может вызвать только радость, ибо оно дает ему наконец возможность настигнуть главные поколебленные силы врага и нанести окончательный сокрушительный удар».

Надо сказать, что в это время 1-я Конная Буденного только шла к Юго-Западному фронту и у Пилсудского имелась возможность помочь земляку в осуществлении «заветной мечты» и доставить ему желанную «радость». Пилсудский снял со своего Южного фронта две дивизии и перебросил их на Северный фронт, и 2 июня, как сетует Тухачевский, «*реши- тельный удар поляков на поставском направлении решил участь операции. Части 15-й армии были здесь прорваны, и вся армия была вынуждена к поспешному отступлению*». Красной армии эксперимент Тухачевского обошелся дорого. Когда поляки, тоже не сумев своими слабыми силами окружить таран пехотных масс, перестали за ним гнаться и таран подсчитал, во что ему обошлось эдакое наступление, то оказалось, к примеру, что в 18-й стрелковой дивизии 4-й армии из 5 тысяч штыков осталось 2 тысячи, а в 53-й дивизии таран- ной армии Корка и Кука из 3157 штыков осталось 1500.

Таран в мозгах генералов

Оставим в стороне идиотизм этой военной находки Тухачевского, вычленим только идею боевых порядков – «массы» и «таран». То есть войск должно быть очень много, что понятно, ведь головные войска тарана должны погибнуть. А выстроены войска должны быть в затылок друг другу – эшелонами, иначе это будет не таран. С немецкой точки зрения это полный идиотизм, ведь войска последующих эшелонов не могут вести в этом бою огонь – не могут уничтожать противника. Но с точки зрения захвата рубежей живой силой в этом есть логика: последующие эшелоны могут и добраться до победных рубежей.

И вот этот таран пехотных масс вошел в боевые уставы Красной армии по меньшей мере до Советско-финляндской войны. На упомянутом Совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 года, как я уже писал, уставы подверглись критике теми, кто попытался применить их положения в той войне.

Командовавший в Советско-финляндской войне 7-й армией генерал армии К. А. Мерецков докладывал на этом Совещании: *«Наши опыт войны на Карело-финском фронте говорит о том, что нам немедленно надо пересмотреть основы вождения войск в бою и операции. Опыт боев на Карело-финском театре показал, что наши уставы, дающие основные направления по вождению войск, не отвечают требованиям современной войны. В них много ошибочных утверждений, которые вводят в заблуждение командный состав. На войне не руководствовались основными положениями наших уставов, потому что они не отвечали требованиям войны.»*

Главный порок наших боевых порядков заключается в том, что две трети наших войск находится или в сковывающих группах, или разорваны.

...При наступлении, когда наша дивизия готовится к активным действиям в составе корпуса, ведущего бой на главном направлении, идут в атаку 16 взводов, причем из них только 8 ударных, а 8 имеют задачу сковывающей группы. Следовательно, в ударной группе имеется только 320 бойцов, не считая минометчиков. Если допустить, что и ударная, и сковывающая группы идут одновременно в атаку, то атакующих будет 640 бойцов. Надо признать, что для 17-тысячной дивизии такое количество атакующих бойцов слишком мало.

По нашим уставам, часть подразделений, расположенных в глубине, предназначены для развития удара. Они распределяются так: вторые эшелоны стрелковых рот имеют 320 бойцов, вторые эшелоны стрелковых батальонов – 516 бойцов, вторые эшелоны стрелковых полков – 762 бойца и вторые эшелоны стрелковых дивизий – 1140 бойцов. В итоге получается, что в атаку на передний край выходят 640 бойцов и для развития успеха в тылу находятся 2740 бойцов...

...На войне на Карельском перешейке вначале командующие 7-й и 13-й армиями издавали свои инструкции, а когда появился командующий фронтом, он дал свои указания, как более правильно на основе опыта и прошлой войны, и текущей войны построить боевые порядки, для того чтобы повести их в атаку.

По нашим предварительным выводам, отмена по существу установленных нашими уставами боевых порядков во время атаки линии Маннергейма сразу же дала большие успехи и меньшие потери.

На этом же Совещании выступил с большим теоретическим докладом «Характер современной наступательной операции» генерал армии Г. Жуков, в котором предложил организовывать наступление следующим образом.

В первом эшелоне ударной армии непосредственно прорывает оборону «ударная группа: состоит обычно из трех, реже – двух стрелковых корпусов, усиленных артиллерией,

танками, инженерными и химическими средствами и средствами ПВО. Корпус может наступать одним и двумя эшелонами». То есть в первом эшелоне, по мнению Жукова, реально должно быть от 6 до 9 дивизий.

Далее – *«вспомогательная группа обычно состоит из одного корпуса»* – 3 дивизии.

Далее – *«в армии может быть две или одна скомпонованные группы»,* – надо полагать, что это еще 3 дивизии.

Далее – *«резерв в составе 2–3 дивизий».*

Далее – *«подвижная группа» с «двумя механизированными, одним-двумя кавалерийскими корпусами»* – до 12 дивизий.

Таким образом, Жуков учил, что полководец из имевшихся у него в распоряжении 30 дивизий удар должен наносить силою от 6 до 9 дивизий, а остальные в это время должны находиться во втором и остальных эшелонах. Опыта недавней финской войны для него как бы не существовало.

Выше я дал реальные прорывы советского фронта 2-й танковой группой (армией) Гудериана, в которых по советским войскам били практически сразу все имевшиеся у Гудериана дивизии, а Жуков, как видите, планирует прорыв меньше, чем третью сил. Кроме этого, Жукову требуется несравнимо большая масса войск – почти вдвое больше дивизий, чем реально было у Гудериана, прорывавшего фронт того же Жукова и уходившего на сотни километров в тылы советских войск.

И это требование массовости, требование от советского народа предоставить им массу солдат и техники, шло ото всех теоретиков военного дела СССР. Генералами в «штыковую атаку» посылались не только пехота, но и танки, «трезво» осознавая, что при такой их тактике большое количество танков сгорит, не доехав до противника. Посему нашим генералам требовалось и много-много танков.

В книге Т. Кузнецова «Тактика танковых войск» (М.: Воениздат НКО СССР, 1940) дается такой расчет их потребности:

«При фронтальном наступлении каждый общевойсковой командир в своих расчетах по распределению танков должен исходить из необходимости насыщения ими в первую очередь стрелковых батальонов первого эшелона ударной группы. При этом следует руководствоваться среднеориентировочной нормой усиления пехоты танками – одна рота легких танков на стрелковый батальон, наступающий на фронте 400–600 м в первом эшелоне ударной группы. При увеличении фронта наступления стрелкового батальона до 1000 м соответственно возрастет и потребное количество танков.

Указанная норма усиления пехоты танками исходит из следующего ориентировочного расчета: стрелковый батальон, наступающий на фронте 400–600 м, в ближайшей глубине встретит около одной обороняющейся роты противника, располагающей 21 огневой точкой (9 ручных пулеметов, 2 своих и 4 приданных станковых пулемета, 2 миномета и 4 противотанковых орудия). Эти огневые средства, надо полагать, будут нормально эшелонированы по всей глубине ротного оборонительного района, т. е. в первом эшелоне будут находиться 8 ручных пулеметов (два пехотных взвода), 2 станковых пулемета (кинжальные) и 2 противотанковых орудия, всего 8 пулеметов и 2 противотанковых орудия; во втором эшелоне – 9 пулеметов и 2 противотанковых орудия.

Считая, что в процессе артиллерийской подготовки будет уничтожено в первом эшелоне 30 % огневых точек и что для уничтожения одного пулемета потребуется один танк, а одной противотанковой пушки – пять танков, устанавливаем: для уничтожения огневых средств первого эшелона противника потребуются $(5 + 10) = 15$ легких танков, т. е. одна рота. В процессе уничтожения 1 танковой ротой огневых средств первого эшелона про-

тивника часть огневых средств второго эшелона будет подавлена огнем артиллерии наступающего, а уцелевшие будут уничтожены последующей атакой танков».

Сначала оцените нормативную эффективность артиллерийской подготовки перед атакой – 30 %, и автор этого методического труда принял в своем расчете, что ни одна противотанковая пушка не пострадает. И вот на эту неподавленную оборону танки пойдут в атаку... Каковы будут их потери? И вы видите, что автор опять-таки «трезво» закладывает в расчет 5 танков для уничтожения одной противотанковой пушки противника, закладывает, что 4 танка будут в этой атаке подбиты одной пушкой противника. Вот отсюда требование гениального Тухачевского и остальных советских полководцев иметь «массы» – бабы обязаны им нарожать много новых солдат, а советская экономика – построить много-много танков.

А вот глава ВВС РККА П. Рычагов на Совещании докладывает: *«Из опыта современных прошедших и идущих войн авиационная плотность достигается до 25 самолетов на один километр фронта».*

Из опыта каких войн он это рассчитал?! Дело в том, что уже перед его докладом выступавшие обсуждали, что немцы в мае 1940 года ударили по французам на фронте 1000 км силами авиации в 2,5 тыс. самолетов, то есть плотность немецкой авиации была в 10 раз меньшей, чем берет за основу Рычагов. Далее.

«Необходимо сделать вывод, что в современной войне на главном, решающем направлении (примерно по фронту 100–150 км. – Ю. М.) в составе фронта будет действовать не менее 15–16 дивизий, то есть 3500–4000 самолетов».

С Рычаговым не согласился, в частности, прославившийся громкими поражениями в последовавшей войне Ф. Кузнецов, генерал-лейтенант, на тот момент командующий войсками Северо-Кавказского военного округа: *«Я считаю, что эта цифра должна быть значительно больше».* С Кузнецовым солидаризировался Г. Жуков, который считал, что если *«общая ширина участков главного удара в предпринимаемой операции должна быть не менее 100–150 км»*, то для обеспечения операции потребуется *«30–35 авиационных дивизий»*, то есть до 8000 самолетов.

А вот мысль из выступления Е. Птухина, генерал-лейтенанта, командующего ВВС Киевского особого военного округа: *«Для того чтобы уничтожить материальную часть на аэродромах (противника. – Ю. М.), а мы считаем, в среднем на аэродроме будет стоять 25–30 самолетов, нужно подумать о мощном ударе на этот аэродром. Значит, группа должна быть не менее 100–150 самолетов».*

Правда, это как-то не координировалось с тем, что немцы с 10 мая 1940 года в течение трех дней проводили налет на 100 французских аэродромов на глубину до 400 км *«мелкими группами без прикрытия истребителей»* (Я. Смушкевич) и *«было выведено из строя около 1000 самолетов»* (М. Попов, генерал-лейтенант, командующий 1 Краснознаменной армией Дальневосточного фронта).

Давайте сравним цифры Совещания с теми, которые через полгода показала война с немцами. Немцы завоевали господство в воздухе и наступали на РККА на фронте более чем в 3000 км. Исходя из «скромных цифр» П. Рычагова – 25 самолетов на 1 км фронта, – с которыми не согласны ни Кузнецов, ни Жуков, – немцы должны были бы иметь 75 000 самолетов. Но на 22 июня 1941 года они против 9917 наших самолетов в западных округах сосредоточили всего 2604 самолета (в три раза меньше, чем Жукову требовалось всего лишь для проведения фронтовой операции на фронте в 400 км). И завоевали господство в воздухе вплоть до 1943 года!

Очень щедро наши генералы относятся и к живой силе. В своем докладе Г. Жуков считал, что для наступательной операции на фронте 400–450 км с главным ударом на фронте 100–150 км ему требуется *«стрелковых дивизий порядка 85–100, 4–5 механизированных кор-*

пуса, 2–3 кавалерийских корпуса». Это свыше 1,9 млн человек даже без артиллерийских, инженерных, транспортных, тыловых и прочих соединений и частей армейского и фронтового подчинения. Сравним: 22 июня 1941 года в сухопутные силы Германии на Восточном фронте протяженностью свыше 3000 км входило всего 85 пехотных дивизий, а все эти силы составляли 3,3 млн человек. Но немцы наступали до осени 1942 года – до Кавказа! В ходе войны никогда ни один фронт ни в одной операции не имел плотности войск, запрошенной Жуковым.

Еще. Из доклада Жукова следует, что ударная армия должна сосредоточить на *«участке главного удара шириною 25–30 км... около 200 000 людей, 1500–2000 орудий, массу танков»*. То есть 7 человек на погонный метр фронта. С такой плотностью, надо сказать, и затоптать противника не сложно, но с такой тактикой и с такими взглядами на свою роль и службу, у наших генералов это не получилось. Немудрено, что и после войны материалы этого Совещания оставались секретными – слишком много вопросов они вызывают к нашим генералам.

Кризис военного искусства

Дальнейшее рассмотрение темы нужно предварить замечанием, что военное искусство невозможно без маневра войсками. Собственно, маневр с целью создания ситуации, когда у тебя по отношению к противнику будет «большой батальон», это и есть то, что называется военным искусством.

И Первая Мировая война началась, казалось бы, как обычно. Полководцы начали энергично маневрировать войсками, стремясь завести их в слабые тылы противника, стремясь навалиться на его отдельные соединения мощными силами и уничтожить их. Однако не прошло и полугода, как армии всех стран зарылись в землю и какое-либо маневрирование войсками полностью прекратилось. Почему?

Тут вот в чем дело. Для победы надо атаковать противника, атаковать хотя бы для того, чтобы занять местность, на которой он находится. В атаке свои войска должны какое-то время бежать, ехать или скакать через пространство, которое противник простреливает. Но скорострельность оружия настолько возросла, что за те несколько минут, которые атакующие находились в полный рост на открытой местности, обороняющиеся, как бы мало их ни было, успевали нанести атакующим такой урон, что цель атаки уже никак не оправдывала потери в ходе ее.

7 августа 1914 года 21-й прусский драгунский полк перестраивался из походной колонны в боевой порядок, чтобы атаковать позиции 42 полка французской армии. Командир 6-й батареи этого полка французов, капитан Ломбаль, вовремя обнаружив немцев на удалении 5000 метров от позиций батареи, приказал открыть огонь из 75-мм орудий шрапнельными снарядами, и его 4 орудия сделали всего по 4 выстрела каждое. В результате немецкий драгунский полк потерял убитыми около 700 человек и примерно столько же лошадей и перестал существовать как боевая единица.

Противоборствующие стороны сели в окопы. Артиллерия кардинально вопрос не решала уже хотя бы потому, что ее наращивали все противоборствующие стороны. Сутками десятки и сотни батарей перепахивали позиции противника, а когда они замолкали, то из глубоких окопов («лисыих нор») вылезали несколько уцелевших пулеметчиков и косили наступающие цепи. Пока шла борьба с этими пулеметчиками, обороняющиеся подтягивали свежие силы и артиллерию, и все начиналось сначала.

Полностью потерял значение маневр. Как бы генерал ни водил войска, как бы ни подвдигал свои превосходящие силы к малочисленному противнику, но в конце концов надо было его атаковать, а тот, удобно установив пулеметы, выкашивал всех наступающих.

Инженеры победили генералов. Развитие военной техники поставило крест на военном искусстве. Маршал Пилсудский пишет об этом так (выделено мной. – Ю. М.):

*«Я помню, как маршал Петен, указывая мне на окровавленные холмы под Верденом, говорил, что почти миллионы людей лежат на этих изрытых гранатами полях сражений! Миллион до того бесследно погибших людей, что ныне кости обоих противников лежат перемешанными между собою и их не отличат ближайшие родственники! Настолько огромны гекатомбы **во имя возрождения движения**, которое пало побежденным в мрачных окопах!*

Хорошо помню те времена. Находясь в глухих пущах волынского Полесья, я тоже работал над окопами. Вековые сосны падали под топором, для того чтобы проложить дороги там, где до того времени ходили только лоси. Тянулись телеграфные и телефонные провода в местностях, куда некогда заглядывали только волки и тетерева. В покрытых проволокой полях перед окопами воистину можно было заблудиться даже при ясном солнышке.

Я строил убежища – и подземные, из громадных древесных бревен, и надземные, из таких же бетонных чурбанов, – чтобы в глухих пущах могли поселиться люди. Строились узкоколейки там, где до того времени плохонькая лошаденка, лениво передвигавшаяся по болотистым дорогам, удовлетворяла людские надобности. По железным дорогам и узкоколейкам катились к нам не только продовольственные припасы для выросшего среди пущи нового военного города, не только массы строительного материала, который ежедневно расходовался с криком «Еще! И еще!», но катились также и эшелоны живого военного материала – людей. Куда? Из одного окопа в другой, из одного военного города в другой – такое же случайно образовавшееся скопище солдат.

Был я в окопах; помню свой тщетный смех, когда в один прекрасный день на Стоходе только одна моя рота, производившая набег, была поддержана в своем движении двадцатью с лишним батареями разных калибров, разного вида орудий, развивавших пекло огня.

*Я думал поэтому в те времена, что война не только вырождается, но она вообще должна исчезнуть навсегда. **Когда погиб главный элемент победы – движение**, – военная работа сделалась каким-то бессмысленным, диким методом убийства людей. Я не мог себе представить, чтобы человечество в состоянии было предпринять еще раз подобную попытку, чтобы оно еще раз захотело ломать и коверкать жизнь целых стран для питания окопов, а стратегия и военное искусство, закрывши от стыда глаза, выводили бы только цифру убитых, цифру уничтоженных существ для определения победы на основе этого кошмарного подсчета. Радовался я тогда в окопах. Значит, война исчезнет! Наконец-то покончит сам с собой этот кошмар, тяготеющий над столькими людскими поколениями! Он вырождается настолько, что искусство, не украшая природы войны, одним только своим видом отвратительного машинного истребления людей оттолкнет от себя даже самых горячих своих приверженцев. Война исчезнет вместе со всеми ее последствиями! Это – так думал я – принесет облегчение и моей родине – жертве войны! Но вместе с тем и жаль было мне этого небесного искусства, которым человечество на протяжении тысячелетий отмечало свое движение вперед. Военное искусство, породившее столько великих людей, в которых непонятная сила вложила такую чародейскую мощь, что своим творчеством – победой – они порождали новые исторические творения, способные жить целые века. Найдут ли человечество другие методы ускорения своего исторического творчества? Вот вопросы, которыми я, как командир бригады, заброшенной в окопы, задавался, строя свои выводы о будущем».*

Этот текст Пилсудского довольно напыщен, тем не менее он недвусмысленно показывает состояние генералов Первой мировой. Война перестала в них нуждаться, им невозможно было реализовать свой творческий потенциал, они стали не нужны своим странам. Теперь побеждала не та страна, у которой самые лучшие генералы, а та, у которой большие людские ресурсы – большая возможность перемолоть их в бессмысленных атаках и контратаках. Война превратилась, как выразился генерал Фуллер, в «торговлю железом».

Сформулируем проблему: война потеряла движение и превратилась в позиционную, потому что атакующий в последнем рывке терял больше, чем достигал в результате этой атаки. Но у этой проблемы было и очевидное решение: нужно было найти способ, при использовании которого противник не мог бы наносить потерь твоим атакующим войскам, – нужно было защитить атакующих.

«Профессионалы», генералы Первой мировой, найти подходящий способ не смогли, его нашел политик – Уинстон Черчилль. Мало того, ту технику, которую нашел Черчилль для решения проблемы, генералы категорически отвергали, не желая и разговаривать с ее конструкторами.

Известен автомобиль и гусеничный трактор, – рассуждали генералы. – Автомобиль может ездить быстро и медленно, а трактор – только медленно. Известен автомобиль, укрытый броней и с пулеметами – бронеавтомобиль. Ну зачем нужен еще и медленно движущийся гусеничный трактор с броней и пулеметами – танк?

И изобретатель танка ходил из одной генеральской приемной в другую, пока не попал к Черчиллю. Тот сразу понял, зачем войскам нужен танк. Ведь поле боя изрыто траншеями и воронками, никакой автомобиль по нему не проедет, а танк проедет! Да, Черчилль решил эту задачу войны, но... Но только в тактическом плане. То есть с помощью танков роты, батальоны и полки добивались тактических успехов – продвижения вперед на 5-10 км, но там, где их уже не прикрывал огонь своей артиллерии, стояла артиллерия противника, и она мигом кончала и с танками, и с дальнейшим продвижением пехоты. Как применить танк для решения оперативных задач, генералы Первой мировой войны так и не смогли придумать.

Что касается английских и французских генералов (наши тоже оказались не лучше), то замечу, что французы так и не смогли решить эту оперативную задачу до поражения Франции в войне с немцами в 1940 году, а до английских генералов решение этой оперативной задачи стало доходить только в 1942 году.

А немцы поняли, что танк не только защищает своей броней стрелков, сидящих в нем, не только давит пулеметы, давая возможность своей пехоте приблизиться к противнику на бросок гранаты. Танк может также быстро переехать от места, к которому противник подтянул резервы, и поэтому он там сейчас силен и наносит тебе большие потери, к месту, где противник слаб. И прорвать его фронт в этом слабом месте! Далее пойти вперед, а в сделанный им прорыв ворвется уже без потерь пехота, начиная выстраивать фронт окружения противника.

То есть, по немецким оперативным идеям, прорывали фронт и уничтожали противника танковые дивизии, а за ними занимали местность пехотные дивизии, которым порой приходилось, как жаловался Манштейн, идти по 80 км в сутки, чтобы догнать танкистов. При этом если противник пытался прорвать фронт окружения, то немецкая пехота уже не теряла людей в атаках, а уничтожала атакующего противника на своих оборонительных позициях. Танк уменьшал саму потребность пехоты в атаках, но главное, танковые войска возрождали искусство маневра, без которого, повторю, вообще нет военного искусства.

Мираж танковых корпусов

Как вы уже увидели выше, есть генералы и историки, которые считают, что Тухачевский был такой великий полководец, такой большой стратег, что даже немцы у него учились своему блицкригу. И те, кто говорят о величии и гениальности Тухачевского как полководца, кто стонет об его отсутствии на фронтах Великой Отечественной войны, в качестве примера его исключительного дара военного предвидения обязательно приводят, что он, дескать, ратовал за создание в Красной армии танковых корпусов. Эти люди либо совершенно не способны понять, что это за магическое словосочетание «танковый корпус», либо не хотят понять, какие именно танковые корпуса реально создавал этот стратег.

О маневре танковых дивизий я написал выше, но ведь как немцы видели наземный бой, когда эта дивизия приблизится к выбранному в ходе маневра участку вражеского фронта?

Обороняющегося противника обстреливает и подавляет тяжелая гаубичная артиллерия и бомбят пикирующие бомбардировщики, уничтожая у того оборонительные сооружения и артиллерию. Когда артиллерия противника подавлена, к его окопам направляются танки, которые расстреливают отдельные уцелевшие пулеметные точки, минометы, сопротивляющуюся пехоту противника. А вслед за танками на позицию противника бросается и своя пехота, по которой уже практически некому стрелять. Если у противника уцелеют отдельные пушки, то немцы выдвинут к ним свои хорошо бронированные штурмовые орудия и танки и расстреляют уцелевших. То есть бой виделся этапами: средства, могущие поразить танки, уничтожает артиллерия и авиация; средства, могущие поразить пехоту, уничтожают танки; пехота добивает остатки противника и занимает местность.

«Основой успешного наступления танков является подавление системы огня противника. Это должно быть обеспечено путем гибкого управления огнем самих танков и правильного распределения приданных подразделений других родов войск. Танки должны немедленно использовать результаты собственного огня, огня артиллерии и ударов авиации. Наступление нужно проводить на широком фронте и на большую глубину», – писал теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан. «Во время боя офицер связи от авиации должен был постоянно информировать авиационный штаб об изменениях боевой обстановки и наводить самолеты на цель. Задача атакующих танков состояла в том, чтобы немедленно использовать результаты атаки с воздуха, пока противник не возобновил сопротивления».

Немецкие танки для борьбы с танками противника до 1942 года вообще НЕ ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ. Танки противника должна была в обороне уничтожить пехота и артиллерия своими противотанковыми средствами, а в наступлении – артиллерия и авиация.

«Против танков, не препятствовавших продвижению, предпринимались только особые меры по обеспечению безопасности, например организация прикрытия противотанковыми средствами или подготовка артиллерийского огня. Сама танковая часть НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ не должна была отклоняться от выполнения своей задачи», – продолжает Гудериан.

И это хорошо видно даже не по тому, что в начале войны в танковых войсках вермахта преобладали легкие танки, а по тому, что средние танки и штурмовые орудия имели мало-мощные пушки, предназначенные для стрельбы осколочно-фугасными снарядами.

Немецкий генерал Ф. Меллентин, который подполковником был у фельдмаршала Ромеля начальником оперативного отдела штаба, в своей книге «Танковые войска Германии во Второй мировой войне» описывает бои немецких танковых дивизий с английской армией в Египте, где англичане всегда превосходили итало-немцев как в численности войск, оружия и танков, так и в формальном качестве танков – толщине брони, калибре орудий и т. д.

Тактика боев была такой. Немцы атакуют англичан. Те выдвигают навстречу немцам танки. Немцы немедленно отводят свои танки, не вступая с ними в бой, вызывают авиацию и подтягивают противотанковую артиллерию, которая расстреливает танки англичан. Немецкие танки снова наваливаются на пехоту. Но у английской пехоты тоже есть противотанковая артиллерия. Немцы снова отводят свои танки, снова вызывают авиацию и артиллерию, но на этот раз гаубичную. Орудия противотанковой артиллерии англичан уничтожаются, и на английские позиции, теперь уже безопасно, двигаются немецкие танки, уничтожают очаги сопротивления пехоты, а сразу за танками врывается немецкая пехота и сгоняет пленных в колонны.

Сам Меллентин об этом писал так (выделено мною. – Ю. М.):

«Чем же тогда следует объяснить блестящие успехи Африканского корпуса? По моему мнению, наши победы определялись тремя факторами: качественным превосходством наших противотанковых орудий, систематическим применением принципа взаимодействия родов войск и – последним по счету, но не по важности – нашими тактическими методами. В то время как англичане ограничивали роль своих 3,7-дюймовых зенитных пушек (очень мощных орудий) борьбой с авиацией, мы применяли свои 88-мм пушки для стрельбы как по танкам, так и по самолетам. В ноябре 1941 года у нас было только тридцать пять 88-мм пушек, но, двигаясь вместе с нашими танками, эти орудия наносили огромные потери английским танкам. Кроме того, наши 50-мм противотанковые пушки с большой начальной скоростью снаряда значительно превосходили английские двухфунтовые пушки, и батареи этих орудий всегда сопровождали наши танки в бою. Наша полевая артиллерия также была обучена взаимодействию с танками. Короче говоря, НЕМЕЦКАЯ ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ была в высшей степени гибким СОЕДИНЕНИЕМ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК, всегда – и в наступлении, и в обороне – ОПИРАВШИМСЯ НА АРТИЛЛЕРИЮ. Англичане, напротив, считали противотанковые пушки оборонительным средством и не сумели в должной мере использовать свою мощную полевую артиллерию, которую следовало бы обучать уничтожению наших противотанковых орудий.

Наша тактика танковых боев была развита в предвоенные годы генералом Гудерианом, принципы которого были восприняты и творчески применены в условиях пустыни Роммелем. Их ценность полностью подтвердилась во время крупнейшего сражения, начавшегося 18 ноября 1941 года. (Хотя мы в общем уступали противнику в количестве танков, нашему командованию, как правило, удавалось сосредоточить большее количество танков и орудий в решающем месте.)».

И раз мы разговорились о теоретиках, то давайте еще дадим Меллентину высказаться и по этому вопросу:

«Эта теория Гудериана послужила основой для создания немецких танковых армий. Находятся люди, которые глумятся над военной теорией и с презрением отзываются о “кабинетных стратегах”, однако история последних двадцати лет показала жизненную необходимость ясного мышления и дальновидного планирования. Само собой разумеется, что теоретик должен быть тесно связан с реальной действительностью (блестящим примером этого является Гудериан), но без предварительной теоретической разработки всякое практическое начинание в конечном счете потерпит неудачу. Английские специалисты, правда, понимали, что танкам предстоит сыграть большую роль в войнах будущего – это предвещали сражения под Камбре и Амьеном, – но они недостаточно подчеркивали НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК В РАМКАХ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ. В результате Англия отстала от Германии в развитии танковой тактики примерно

на десять лет. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке бронетанковой дивизии в Египте в 1939–1940 годах, говорит: “В ходе боевой подготовки бронетанковой дивизии я неустанно подчеркивал необходимость тесного взаимодействия всех родов войск в бою. Нужно было выступить против пагубной теории, получившей за последнее время широкое хождение и поддерживавшейся некоторыми штатскими авторами, согласно которой танковые части способны добиться победы без помощи других родов войск... Несостоятельность как этого, так и других подобных взглядов наших «ученых мужей» предвоенного периода прежде всего показали немцы”. Вопреки предупреждениям Лиддел Гарта о необходимости взаимодействия танков и артиллерии английские теории танковой войны тяготели к “чисто танковой” концепции, которая, как указывает фельдмаршал Уилсон, нанесла немалый ущерб английской армии. И только в конце 1942 года англичане начали практиковать в своих бронетанковых дивизиях тесное взаимодействие между танками и артиллерией».

К таким «штатским авторам» следует отнести и Тухачевского с его надутым троцкистами военным авторитетом, и военных теоретиков СССР. Ведь как ни сильны танки, но они ничто, если действуют без остальных родов войск. В своем «Воспоминании солдата» Гудериан пояснял (выделено мною. – Ю. М.):

*«В 1929 году я пришел к убеждению, что танки, действуя самостоятельно или совместно с пехотой, никогда не сумеют добиться решающей роли. Изучение военной истории, маневры, проводившиеся в Англии, и наш собственный опыт с макетами укрепили мое мнение в том, что **танки только тогда сумеют проявить свою полную мощь, когда другие рода войск, на чью поддержку им неизбежно приходится опираться, будут иметь одинаковую с ними скорость и проходимость**. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть главенствующую роль, а остальные рода войск действовать в их интересах. Поэтому необходимо не вводить танки в состав пехотных дивизий, а создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков».*

Поэтому уже к началу Второй мировой войны в танковых дивизиях вермахта при общей их численности примерно в 12 тыс. человек соотношение танковых и пехотных частей было 1:1 – одна танковая бригада (324 танка и 36 бронеавтомобилей) и одна стрелковая. А в тех корпусах, что создавал Тухачевский в 1932 году, на 2 механизированные бригады (500 танков и 200 бронеавтомобилей) приходилась всего одна стрелковая. Разумеется, в немецкой дивизии был еще и артиллерийский полк. (Всего в немецкой дивизии было 140 орудий и минометов). Однако к 1941 году немцев не удовлетворило и это. В их танковой дивизии число танков сократилось до одного полка (при возросшей мощи самих танков их стало 147–209), но численность пехоты увеличилась до двух полков, и общая численность танковой, подчеркну – танковой, дивизии выросла до 16 тыс. человек при 192 орудиях и минометах.

Мысль Гудериана, что пехота должна «немедленно» использовать эффект танковой атаки, была не пустым звуком. Уже по штатам 1939 года пехота, артиллерия, разведчики, саперы, связисты и все тыловые службы немецкой танковой дивизии передвигались вслед за танками на: 421 бронетранспортере, 561 вездеходе и легковом автомобиле, 1289 мотоциклах и на 1402 грузовых и специальных автомобилях. Если считать и бронетехнику, то один водитель в танковой дивизии приходился на 2 человек.

Причем это были не «автомашины, прибывшие из народного хозяйства», как в Красной армии, это в подавляющем большинстве была техника, специально построенная для армии –

бронетранспортеры, вездеходы, тягачи. Включая грузовики-длинномеры для перевозки легких танков.

А наши танковые бригады даже в конце войны, ворвавшись в тылы немцев, продвигались только до первого рубежа их обороны и потерь нескольких машин, после чего останавливались и ждали, когда им в лучшем случае на грузовиках подвезут их «мотострелков» и артиллерию. И всю войну для наших танковых войск самым дорогим трофеем был немецкий бронетранспортер. Дважды Герой Советского Союза В. С. Архипов, в войну командир танковой бригады, вспоминает о боях за Киев 1943 года: *«Бой был коротким, и спустя полчаса мы уже подсчитывали трофеи. Взяли около 200 пленных и три десятка исправных бронетранспортеров. Это были машины с сильным вооружением – 40-мм пушкой, двумя лобовыми пулеметами (один из них крупного калибра) и зенитным, тоже крупнокалиберным, пулеметом. Немецкие бронетранспортеры с закрашенными, разумеется, крестами служили нам до конца войны».*

Танки, кроме пехоты, обязательно должна сопровождать артиллерия (лучше всего – самоходная). Немцы такую артиллерию начали выпускать и насыщать ею войска еще до войны. Если средних и тяжелых танков Т-IV, Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр») Германия произвела за все годы около 17 тысяч, то самоходно-артиллерийских установок – более 23 тысяч. СССР такие установки начал производить в 1943 году, бронетранспортеры – только после войны.

Какова была маневренность танковых корпусов «имени Тухачевского», давайте рассмотрим на примере 9-го механизированного корпуса (по штату 1031 танк, 35 тыс. человек), которым на начало войны командовал К. К. Рокоссовский. Согласно плану, с началом войны он должен был из района Новоград-Волынска передвинуться в район Луцка на расстояние около 200 км. Вот как это было:

«День 22 июня выдался очень солнечным, жарким, и основная масса войск корпуса, по сути дела пехота, должна была, кроме личного снаряжения, нести на себе ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. Тем не менее в этот день пехотные полки танковых дивизий прошли 50 километров, но в конце этого марша солдаты валились с ног от усталости, и командир корпуса приказал в следующие дни ограничиться 30-35-километровыми переходами.

...Следует сказать, что 24–25 июня бой вели передовые части дивизий, так как основные силы все еще были на подходе».

Итак, за 4 дня «танковые» дивизии корпуса без боев, летом, по дорогам все еще не прошли и 200 км. А в 1929 году, во время конфликта на КВЖД, кавалерийская бригада К. К. Рокоссовского по таежному зимнему бездорожью, выйдя в путь 11 ноября, к утру 16 ноября прошла 400 км.

Вот и оцените, что означали собой те фикции, которые Тухачевский именовал «танковыми» корпусами, с точки зрения их подвижности – с точки зрения того, для чего они и создаются.

А упомянутый мною Ф. Меллентин, по итогам разгрома немцами англо-французов в 1940 году, записал: *«Пожалуй, следует подчеркнуть, что хотя мы и придавали главное значение танковым войскам, однако в то же время мы отдавали себе отчет в том, что танки не могут действовать без непосредственной поддержки моторизованной пехоты и артиллерии. Танковые дивизии должны быть гармоничным соединением всех родов войск, как это было у нас, – таков был урок этой войны, который англичане не сумели усвоить вплоть до 1942 года».*

Теперь собственно о танках Тухачевского.

Танки в бою

Если посмотреть на те танки, что заказывали для своих танковых корпусов Тухачевский и советские генералы, то поражает их боевая бессмысленность: такое впечатление, что наши полководцы никогда не представляли себя ни в танке, ни в бою, и самое большое, на что способна их военная фантазия, – это учения и парады. Дело не в техническом несовершенстве танков – это дело наживное. (Не было опыта у конструкторов, не освоились смежники, что же тут поделывать?). А дело в самом боевом смысле этих танков – для какого боевого применения они их заказывали?

Спросите себя, как Тухачевский и советские генералы видели танковый бой? Похоже, никак!

Возьмем их детище – тяжелый танк Т-35. Весил 54 т, имел 5 башен, 3 пушки, 4 пулемета, 11 человек экипажа. Был украшением всех парадов. Но не мог взобраться на горку крутизной более 15 градусов, а на испытательном полигоне – вылезти из лужи. Уже тогда никто не мог ответить на вопрос, как этим танком управлять в бою? Ведь его командир обязан был крутить головой во все стороны, указывая цель всем своим 5 башням, корректируя огонь 3 орудий, при этом стреляя из своего самого верхнего пулемета и заряжая 76,2 мм пушку.

Но даже не это главное. Тухачевский предназначал Т-35 для прорыва обороны, то есть вражеских рубежей, оснащенных артиллерией. Но дело в том, что самая маленькая пушка, которая могла встретиться на этих рубежах танку Т-35, причем с Первой мировой войны, не могла иметь калибр менее 37 мм. А такая пушечка на расстоянии 500 м пробивала минимум 35 мм брони. У танка Т-35 лишь один передний наклонный лист брони корпуса имел толщину 50 мм, вся остальная броня этой махины не превышала 30 мм. На какую оборону его можно было пускать с такой броней?

Был построен 61 такой танк, в западных округах немцев встретили 48 этих машин. Известна судьба всех: 7 нашли почетную смерть в бою; 3 были в ремонте; остальные сломались на марше и были брошены экипажами.

Примерно таким же был и другой танк для прорыва обороны – средний танк Т-28 с тремя башнями. Только у этого самая толстая броня была 30 мм. Их было построено более 500 единиц, но судьба их точно такая, как и всех танков Тухачевского, которым можно дать единое собственное имя «Смерть танкиста».

Но тяжелых и средних танков имени Тухачевского хотя бы было относительно немного. Иначе обстоит дело с легкими танками. В 1931 году был принят на вооружение и поставлен на производство английский танк «Виккерс», забракованный английской армией. Лобовую броню он имел 13 мм, весил первоначально 8 т и с двигателем в 90 л. с. мог развить скорость до 30 км/час. Его модернизировали, в результате чего он стал весить более 10 т, а лобовая броня на башне выросла до 25 мм, на корпусе – до 16 мм. Изготовили этих танков (под названием Т-26) к 1939 году около 11 тыс. единиц. Зачем Тухачевскому потребовалось такое количество малоподвижных и почти небронированных машин, что они должны были делать в его танковых корпусах, мне непонятно.

Еще менее понятно, зачем, уже имея легкий танк, закупать еще один, теперь уже у американского изобретателя-одиночки Д. Кристи. Этот изобретатель первым предложил иметь катки на всю высоту гусеницы танка. Это разумное предложение было внедрено во многих странах. Но мы купили в 1931 году его танк не за это, а за то, что он одновременно был и скоростным автомобилем. Сняв гусеницы, образцы этого танка могли развить на американских автострадах скорость до 122 км/час. Надо сказать, что, несмотря на эти соблазнительные цифры, ни одна страна, кроме СССР с Польшей, эту глупость не закупала и не производила. Почему?

В идее такой танк имел кажущееся преимущество в следующем. Танки – очень нежные машины. У них очень мал моторесурс, их тяжело нагруженные механизмы быстро выходят из строя. Скажем, танки того времени уже через 50 часов работы требовали ремонта. Когда упоминавшийся тяжелый танк Т-35 в ходе испытательного пробега заставили пройти 2000 км, то при этом сменили три двигателя. Это касается танков как таковых и во всем мире. Танк – это машина не для поездок, а для боя. Поэтому вне боя ее стараются беречь. То есть если требуется перевезти танки на большое расстояние, то их везут по железной дороге.

Возник у Тухачевского соблазн: если танк поставить на колеса, то он будет быстро ехать, механизмы меньше изнашиваться. Следовательно, его можно будет перегонять самоходом, а не на поезде. (Чем не нравился Тухачевскому поезд или автотрейлер, сейчас уже не у кого спросить). Но дело в том, что и по автостраде очень быстро может ехать только один танк, а в реальной жизни по реальным дорогам колонна танков (а они движутся колоннами) больше 20–25 км/час не развивает даже сегодня. Так что колеса на танке изначально нужны, как зайцу стоп-сигнал.

Дикость этого проекта еще и в том, что наша танковая промышленность только становилась на ноги, специалисты только приобретали опыт, и давать им в производство такую бессмысленно сложную машину было просто преступно. Ведь в этом танке помимо собственно танковых механизмов есть еще и автомобильные. Начать танкостроение с такого танка – это значит обречь танковые войска на постоянные поломки техники, на снижение нормативов времени для обучения экипажей практическому вождению.

Но, главное, это был конструкторский тупик. Никакое увеличение мощности двигателя этого танка никак не увеличивало его бронезащиту, он не становился совершеннее. Этих танков, названных БТ (быстроходные танки), разных серий было изготовлено почти 8 тыс. единиц. Последняя, самая современная модификация его, названная БТ-7М (700 машин), выпускалась в 1939–1940 годах. Давайте сравним ее с немецким легким танком чешского производства 38(t). Этот танк сконструирован чехами в 1938 году для своей армии, но производили они его для немцев до 1942 года. Танк надежен и без затей. Так вот, наш легкий танк БТ-7М был почти на 50 % тяжелее этого немецкого легкого танка и двигатель имел в 4 раза мощнее, но броню... в 2,5 раза тоньше! (Один лобовой лист в 22 мм, остальная броня 15–10 мм). При этом 38(t) с лобовой броней в 25 мм, доведенной впоследствии до 50 мм, имел вполне приемлемую для танка скорость. А ведь в 4 раза более мощный двигатель – это и во много раз большая стоимость всех механизмов, их вес, сложность, расход ГСМ. И все во имя чего? Во имя цифры «86 км/час на колесах»? Которая изначально никому не была нужна и никогда в реальной войне не потребовалась?

А теперь представим, что эти легкие танки атакуют передний край.

На немецком переднем крае наш БТ-7М встретит немецкая (уже тогда маломощная) легкая 37-мм пушечка. Но эта пушка, как я уже писал, пробивает с 500 м броню в 35 мм. Следовательно, немецким артиллеристам оставалось только увидеть этот танк... и с ним покончено. У немцев были также тяжелые противотанковые 20-мм ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню в 40 мм. А еще у них были легкие, калибра обычной винтовки, противотанковые ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню 20 мм. Крыша у БТ-7М была толщиной в 6 мм, саблей ее, конечно, не возьмешь, но сверху его мог расстрелять обыкновенным пулеметом любой самолет.

А немецкий 38(t) на нашем переднем крае мог встретить самое мощное советское, собственно противотанковое средство – нашу 45-мм пушку. Она с 500 м пробивала 42 мм брони. Да, но у части танков 38(t) уже была лобовая броня 50 мм! Этому легкому танку не надо было даже ждать в подмогу средние танки или штурмовые орудия – он и сам мог справиться с такой пушкой. Недаром, по грустной статистике, на один подбитый немецкий танк прихо-

дилось 4 наших уничтоженных 45-мм пушки, и только 57-мм пушка довела это соотношение до 1:1.

Добавлю, что по заказу Тухачевского промышленность с 1933 года еще производила и около 4 тыс. единиц плавающих танков, вооруженных пулеметами и с броней в 6–8 мм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.